
ОГОНЁК
№ 49 ДЕКАБРЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Колхозники сельхозартели «Красная звезда», Рязанской области, решили построить у себя механизированную молочно-товарную ферму и доильный цех, какие они видели при посещении колхоза имени Молотова, Раменского района, Московской области. На помощь колхозникам пришли строительные организации Рязани. В колхоз из города прибыла бригада рабочих, завезены необходимые материалы, оборудование. Скоро строительство будет закончено, и колхозный скот проведет зиму в новых, хорошо оборудованных помещениях.

На снимках: вверху — строительство коровника; внизу слева — бригадир каменщиков И. И. Кривчиков и работница М. А. Вещикова на постройке доильного цеха; внизу справа — плотники Д. В. Зенков и В. И. Бижонов вставляют оконные рамы.

Фото О. Кнорринга.

На первой странице обложки: Магнитогорский металлургический комбинат имени И. В. Сталина. В мартеновском цехе.

Фото А. Узляна.

На последней странице обложки: Индийская танцовщица Индрани Рахман.

Фото Дм. Бальтерманца.

ОГОНЁК
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
№ 49 (1382) 6 ДЕКАБРЯ 1953
31-й год издания
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

СЕГОДНЯ НА СЕЛЕ

Интересные, волнующие события и явления происходят сейчас в колхозной деревне. Даже самый ненаблюдательный и далекий от проблем сельского хозяйства человек — если его можно только представить в наши дни,— оказавшись в сельском районе, не может не почувствовать, что он попал в атмосферу какого-то особенного оживления.

Приезжаете вы в одну деревню и видите: люди справляют новоселье. Из областного города на постоянное жительство переселился новый специалист. И этот специалист может быть не только агрономом, зоотехником или ветеринаром. Он может быть инженером, сменившим заводской цех на мастерские МТС.

В другой деревне у колхозных амбаров на полуторку грузят пшеницу, гречиху, картофель — все это получено колхозниками на трудодни. Если посетить бухгалтерию Ветринской МТС, Полоцкой области, наше внимание привлекут довольные лица механизаторов, получающих заработную плату по новым ставкам. Вот от кассы отошел тракторист Ходасевич. У него в руках две тысячи рублей и квитанция на получение тридцати пудов хлеба. Все это он заработал за один месяц.

На площади только что открыт новый универмаг. Не лавка, как мы прежде говорили, а настоящий универмаг с витринами-выставками за зеркальным стеклом.

Часто можно увидеть в деревне и картину, запечатленную на нашем снимке. Эти машины винницкие колхозы покупают на средства, которые они выручили, продав потребительской кооперации овощи и продукты животноводства по новым закупочным ценам.

Снимок сделан в Винницкой области. Но подобный же снимок можно было бы сделать, если бы мы посетили, например, Данковский, Конобеевский, Сараевский и другие районы Рязанской области. Артели «Красная звезда», имени Сталина, имени Хрущева, «Красное знамя» за счет доходов от продажи по договорам с кооперацией картофеля, овощей и фруктов приобрели по две автомашины. За последние два месяца автопарк колхозов области возрос на 200 грузовиков.

Около трех месяцев назад Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза в своих решениях о мерах дальнейшего подъема сельского хозяйства предусмотрел важные изменения в системе заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов и сырья. Теперь после выполнения обязательных поставок в распоряжении колхозов остаются гораздо большие, чем прежде, излишки сельскохозяйственных продуктов. Повышение закупочных цен создает условия, при которых колхозам выгодно продать эти излишки государственным и кооперативным организациям, чтобы приобрести автомобили и электромоторы, шифер и кровельное железо, лес и хозяйственный инвентарь.

Факты говорят о заметном расширении торговли в деревне и заинтересованности колхозов в сбыте продуктов по новым ценам. Иркутская область, например, выполнила план закупок мяса на два месяца раньше, чем в прошлом году, при увеличении закупок на десять с лишним тысяч центнеров.

Факты говорят и о другом. В новых условиях торговли на селе резче проступает различие между передовыми и отстающими колхозами. Кто лучше поработал, тот больше продает и больше покупает. Советская торговля в деревне все активнее выступает в роли одного из важных стимулов дальнейшего роста сельского хозяйства, а значит, и роста благосостояния народных масс.

Колхозы Винницкой области покупают автомашины. На переднем плане (слева) — председатель колхоза «Передовик», Ямпольского района, Д. И. Чалак.
Фото Е. Копыта (ТАСС).

СЕКРЕТ СТЕПАНИДЫ

Вл. СОЛОУХИН

Иногда бывает нужно обратиться к старым записным книжкам. Недавно я стал копаться в тетради, давно уже исписанной от корки до корки и положенной в нижний, то есть дальний, ящик стола.

Я листал эту тетрадь, и передо мной вставали то вологодские реки, сплошь поросшие черемухой, то предгорья Кавказа с развалинами древних башен на скалах, то Заполярье, то Средняя Азия. А главное — люди. И ведь что получается: тетрадь давно, так сказать, в архиве, а люди живут, действуют, и о них, как я особенно убедился на этот раз, не следует забывать.

На одной из страниц задержали мое внимание написанные крупными буквами слова: СТЕПАНИДА ВИШТАК. Эти два слова я в свое время зачем-то дважды подчеркнул. Зачем? Пришлось пробежать глазами всю страничку. «Звеньевая колхоза имени Молотова, Киевской области,— читал я. — 1949 год — первое звание Героя Социалистического Труда. 1952 год — второе звание Героя Социалистического Труда». Дальше говорилось, что Степанида Демидовна Виштак впервые в Москве и что приехала она как делегат на Всесоюзную конференцию сторонников мира. Наконец, я наткнулся и на то, из-за чего, должно быть, было подчеркнуто это имя: «Дала слово собрать в будущем году сахарной свеклы по 700 центнеров с гектара». А в скобках помечено: «Директивы XIX съезда КПСС предусматривают по районам Украины 255—265 центнеров». Действительно, стоило подчеркнуть! Интересно, удалось ли этой звеньевой сдержать свое слово?

Запись относилась к осени прошлого года. С этого времени прошли долгая зима, весна и обильное солнцем лето. И тут я, как всегда делается в таких случаях, хлопнул себя ладонью по лбу: да ведь сейчас октябрь, и Степанида Виштак должна собирать этот урожай!

Как раз предполагалась поездка в Киев, и я решил во что бы то ни стало побывать в колхозе имени Молотова...

Места вокруг самые «сахарные». Не зря в районном центре Гребенки дымит высокой трубой сахарный завод. Разгар сбора бурака, как на Украине зовут сахарную свеклу. К заводу со всех дорог, тяжело подкидывая кузова, съезжаются грузовики. Они становятся в очередь к весам, потом сваливают свеклу в огромные бурты, многие из которых уже засыпаны землей и напоминают усеченные пирамиды. Я стал присматриваться и вдруг поразился: одна из машин свалила свеклу, которая выделилась на общем фоне бурта, как выделились бы серебряные полтинники в груде десятикопеечных монет. Я подошел к шоферу:

— Машина не из колхоза Молотова?

Ну, конечно, я не ошибся. Это были бураки Степаниды Виштак. С этой же машиной я и поехал в колхоз.

Дело шло к вечеру. Когда подъехали к правлению колхоза, совсем затемнело. Еще дорогой я узнал, что Степанида Виштак больна. У нее грипп, и поговорить с ней вряд ли удастся. Председатель колхоза Кирилл Леонтьевич Оненко лишь вчера вернулся из Киева, где учился в сельскохозяйственной школе, и к работе еще не приступил. Хата его километрах в трех от правления.

Из правления все ушли, шофер, «подбросивший» меня, также уехал домой.

Село уснуло. Со стороны районного центра шла машина. От ее фар стояло мутное желтое зарево, на котором четко выделялись черные деревья и крыши хат.

* * *

...Я вышел из хаты и зажмурился от сверкающего утра. Легкий морозец, лежавший ночью на траве, успел растаять, и теперь капельки воды не просто светились — горели под солнцем. С яблони на яблоню, с репейника на репейник, с травинки на травинку тянулась унизанная мельчайшими и тоже сверкающими капельками паутина.

Мне сказали, где работает звено Степаниды, как все в колхозе, да, пожалуй, и вообще на Украине называют Виштак. Идти было неблизко. Я шел и думал о секретах степанидиных успехов. В самом деле, средний урожай свеклы по району — что-то около двухсот двенадцати центнеров, по колхозу — чуть больше, а тут семьсот! Есть в колхозе имени Молотова несколько звеньев, которые пытаются тянуться за Степанидой. Их так и зовут: «Последователи Степаниды». Урожай у них: четыреста — четыреста пятьдесят центнеров, но все же не семьсот! И потом таких звеньев три — четыре — и обчелся. Почему низок урожай в остальных? Двести и семьсот, сто и семьсот, наконец, сорок и семьсот! Так разнятся иногда урожаи на одних и тех же украинских землях. Уж, верно, есть какой-нибудь секрет во всем этом деле!

Местность, по которой я шел, представляла собой низину. Справа, на пригорке, были хаты. Слева плотной и высокой стеной стояли дремучие тростники: болото. От хат стекали к стежке узкие полоски приусадебных участков. Вдали зеленел ровный массив земли степанидиного звена. Обычно на приусадебных участках все растет лучше, ибо несколько соток обработать легче, чем много гектаров. То же, что увидел я тут, нарушало это привычное представление. Приусадебная свекла по сравнению с колхозной имела жалкий вид. Я выдернул одну справа и одну слева. В одной было граммов семьдесят, в другой — более килограмма.

Наконец я пришел на место работы. Часть земли была уже обнажена. Свекла лежала в двух кучах. Все десять женщин звена Виштак сидели кружком. Они брали свеклу из одной кучи, отрезали от нее ботву, отряхивали от земли и кидали в другую кучу. Полновесные, сочные бураки так и сыпались, с хрястом ударяясь друг о друга. Все это делалось молча, сосредоточенно, быстро. Люди заняты своим делом, а я должен ни с того, ни с сего спрашивать о секретах работы звена. Работающие люди не любят, когда около них занимаются пустыми разговорами. К тому же женщины в звене молодые, задорные — засмеют. И действительно, едва я заговорил, как посыпались реплики:

— Слово такое знаем! Как скажем, бурак сразу на полкило вырастает...

— Нужно ночью три раза вокруг поля обойти...

— Да дунуть, да плюнуть — вот и урожай получится.

Говорилось и еще что-то в этом роде. Тут-то и вспомнилось, что в каждом колхозе есть агроном, что он, как никто, должен знать методы Виштак, ибо, верно, помогает ей, консультирует ее, следит за ее работой.

И вот мы сидим друг против друга. У Авраама Каленниковича Ткаченко небольшие черные глаза. В руках он что-то вертит. Когда разыскивал его, мне сказали, что он хорошо знает свое дело. Теперь я с удовольствием убеждался, что это правда.

— Расскажете мне подробно об агротехнике сахарной свеклы? — спросил я.

И Ткаченко рассказывает, шаг за шагом, день за днем, операцию за операцией. Мне интересно, время от времени я перебиваю его:

— Вы сказали, что лущение стерни уничтожает сорняки. Это каким же образом?

— Лущение — своего рода провокация, — объясняет агроном. — Мы провоцируем семена сорняков к прорастанию, а как только они прорастут, бьем по ним глубокой пахотой. Тут им крышка. Из-под тридцатисантиметрового пласта не выкарабкаться ни одному.

Потом он рассказывает, как задерживать снег, какие вносить удобрения. Оказывается, можно задерживать влагу в земле, когда это нужно, или, наоборот, подтягивать ее из глубины к корням растений. Страшным бедствием является свекловичный долгоносик. О, если заметишь на поле хоть одного, нужно бить тревогу! Долгоносик поедает все листья свеклы, остается голая черная земля. (Агроном говорил: «Почва».) До войны долгоносиков собирали руками. Иных средств борьбы не было.

— И выходит, что на одной земле могут вырасти два разных бурака,— говорит председатель колхоза имени Молотова К. Л. Оненко (справа) парторгу колхоза П. Е. Пономаренко. В центре: Степанида Виштак.

ВИШТАК

Свеклу приходилось пересевать по три раза. Теперь действует химия. Распрыскивают яд — и долгоносики падают мертвыми. Очень важно умело и во-время проредить свеклу так, чтобы от корня до корня было не более восемнадцати сантиметров. Тогда на гектаре окажется около ста двадцати тысяч корней. И долго еще рассказывал мне агроном об агротехнике сахарной свеклы, где все расписано по дням, рассчитано по сантиметрам и килограммам.

— И вот остается только вынуть из земли этот бурак, отряхнуть с него чернозем, очистить от ботвы и кинуть в кузов машины, — заключил Авраам Каленникович свой рассказ.

— А каким будет этот бурак, если буковка в буковку выполните все, что вы мне рассказали?

Агроном замялся.

— Степанида Виштак, — не унимался я, — получает свои урожаи потому, что соблюдает все это, или потому, что вводит сверх этого что-то свое? Почему Виштак получает семьсот центнеров, когда другие не выращивают и половины этого?

— Весь секрет ее успеха, — сказал он, — в том, что осенью под глубокую вспашку она валит на каждый гектар по сорок тонн навоза.

Я ждал любого ответа, но только не этого. Что-то уж слишком просто открывался ларчик. А другие? Или не хватает навоза? Оказалось, что навоза хватило бы на все поля, но нет транспорта для перевозки. Начиналась несуразица: в колхозе лежит навоз, стоит его вывезти на поля — и готов огромный урожай свеклы. Но его не вывозят, и поэтому урожая не получается.

— Может быть, есть еще какие-нибудь причины?

Агроном думал.

— Ну разве еще то, что Степанида для снегозадержания ставит щитки, а наготовить их на все поля у колхоза не хватит средств.

От агронома я ушел удрученный. Если бы урожай зависел от каких-то неизвестных причин, которые познала Виштак, тогда бы еще ничего, а то все сводится к двум прозаическим вещам: навозу и щиткам. Об этом знает агроном, — значит, знают все, а урожаев нет как нет.

Скорей к председателю колхоза! По крайней мере, выскажу свое возмущение. «Безобразие, — скажу ему, — все силы кидать на пять степанидиных гектаров, а остальные триста тридцать оставлять без внимания. Если вы знаете, как получать высокие урожаи свеклы, нужно их получать!»

Много еще наговорил я мысленно председателю, пока шел до его хаты. В свое время, может, и нужно было сделать пять гектаров образцовыми. Прорвать, так сказать, фронт на одном участке, показать людям, на что способна земля. Но потом нужно развивать наступление. Виштак присвоено звание Героя Социалистического Труда еще в 1949 году. Прошло пять лет, и что же? Она как была, так и осталась одиночкой. А и все-то упирается в навоз да щитки!

Председателя я застал за обедом. Невысокого роста, склонный к полноте человек городского типа с аппетитом ел борщ. Вежливо отказавшись от предложения заняться тем же, я вышел из хаты, чтобы не сидеть над душой. Вскоре в садик вышел председатель колхоза Кирилл Леонтьевич Оненко. Мы сели на скамейку так, что в промежутке меж яблонями виднелось вдали заросшее тростником болото. Я не стал ему передавать разговор с агрономом, а просто спросил, в чем, на его, председателя, взгляд, секрет степанидиных успехов.

— Вы обратили внимание на ее руки? — спросил меня председатель вместо ответа. — Они грубы и черны, в них въелась земля. Такие же руки у всех женщин ее звена, самого дисциплинированного, самого трудолюбивого

Дважды Герой Социалистического Труда звеньевая Степанида Виштак на Всесоюзной конференции сторонников мира в Колонном зале Дома Союзов.

и слаженного звена в колхозе, да и далеко за его пределами. Степанида сумела заразить звено личным примером, сплотить его и превратить в подлинно боевую единицу. Как она это сделала? Может быть, это и есть единственный ее секрет. Однажды на кукурузу напала тля. Женщины привязали к палкам мешочки с ядовитым порошком и стукали этими мешочками по верхушкам каждого кукурузного стебля. Стояли зной и безветрие. Женщины падали от усталости, но продолжали спасать кукурузу. Вот какое это звено!

Щитки? Но ведь они их вяжут сами. Вон тростники, их хватит на сто колхозов. Навоз? Но ведь они сами его возят на поля. Говорят, нужно удобрять землю куриным пометом. Ну и валят его, как он есть. А в звене Виштак этот помет сушат, мелют в порошок, смешивают с золой или там еще с чем-то, и только после этого его получает земля. Они землю кормят с ложечки, а не пихают ей в рот то, чего она не может переварить.

Агротехника — прежде всего сроки. Посеешь за три дня — один урожай, за две недели — урожай другой. Точно так же и со всеми остальными операциями, а их более двадцати. Напряжение всех сил в течение всего сезона, благодаря чему соблюдается все, что предписано наукой, — вот секрет успехов Степаниды Виштак! Мы не создаем особых условий этому звену, иначе появилось бы недовольство у других звеньев. Конечно, МТС охотнее помогает Степаниде, чем другим, но ведь как и не помочь такой труженице!

— Значит, Степанида делает только то, что должны были бы делать все: выполняет элементарную агротехнику и с любовью, со старанием относится к земле?

— Да, все должны были бы делать то же самое. А знаете, что тогда было бы? Не нужно нам семисот — триста центнеров с гектара по Союзу — и мир мы засыпали бы сахаром!..

...Обратно я ехал на степанидиных бураках. Можно было сойти на повороте, но я проехал до сахарного завода. Уж очень хотелось еще раз сравнить эти бураки со всеми другими. Мне вспомнилось первое впечатление: точно серебряные полтинники в куче десятикопеечных монет.

И вот мне эти корнеплоды показались красивыми. Может быть, потому, что я уже представлял, сколько работы в них вложено, а может быть, они и впрямь были красивы, огромные, ядреные бураки Степаниды Виштак, — ее труд, ее упорство, ее слава.

Колхоз имени Молотова,
Киевской области.

Большая дружба

Давнишняя дружба связывает строителей Красноармейского района Сталинграда с хлеборобами колхоза имени Сталина. Она началась в те времена, когда на берегах Волго-Донского канала строился промышленный поселок. Случилось так, что поселок расположился на поливных землях артели. Но строители не обидели колхозников: они соорудили оросительную систему в другом месте.

После сентябрьского Пленума ЦК КПСС артель получила от государства крупные кредиты на хозяйственное и культурно-бытовое строительство. Предстояло выстроить несколько сот жилых домов, школу-десятилетку, магазин, клуб, больницу, родильный дом, электрифицировать и радиофицировать село.

И на этот раз шефы-строители пришли на помощь колхозникам.

Однажды село было разбужено гулом машин. Прибыла автоколонна в составе самосвалов, скрепера, бульдозера, канавокопателя, автопогрузчиков, транспортеров. Ее сопровождали бригады бетонщиков, каменщиков, плотников. На первых порах шефы взялись построить в колхозе имени Сталина новый коровник, соорудить линию электропередачи.

Самосвалы возили бетон, транспортеры подавали кирпич и камень, автокран — детали сборных конструкций. На строительстве электролинии действовал автобур. В слежавшийся суглинок врезалась металлическая фреза. Она быстро пробуривала скважину, специальный механизм подхватывал столб, устанавливал его, и через несколько минут на нем уже орудовал электромонтер.

Первыми управились с делом электрики бригады А. Т. Лихолетова. Мастера электромонтажных работ, участвовавшие в строительстве Волго-Дона, за один день проложили силовую и осветительную линии протяжением в три километра. Подходит к концу строительство коровника. Освободилось от лесов здание правления артели.

Широки планы у хлеборобов и животноводов артели имени Сталина. С помощью шефов-строителей они надеются быстро претворить их в жизнь.

А. ПОДХОМУТНИКОВ

На строительстве здания правления колхоза. Подача кирпича транспортером.
Фото К. Барыкина.

Евгения Древс (в центре) с работницами, которых она научила работать на новой мотальной машине.

Вязальщица перчаток Валия Купена.

РИЖСКИЙ ТРИКОТАЖ

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото М. Савина.

Швея-бортовщица Валентина Васильева сегодня дежурит по комсомольскому контрольному посту.

Новые модели белья разрабатывает молодой инженер Марианна Балашева.

— Рижский трикотаж есть в продаже?

— Рижское трикотажное белье бывает у вас?

Эти вопросы нередко можно услышать в наших магазинах.

Рижские фабрики снабжают своей продукцией многие районы страны. Вагонами и контейнерами идет трикотажное белье не только в Москву и Ленинград, но и на Камчатку, и в Крым, и в города Поволжья.

Мы на одной из латвийских трикотажных фабрик. Называется она «Сарканайтс ритс», что означает «Красное утро».

На дворе вывешен плакат: «Дадим в месяц 310 500 штук белья!» Из репродуктора доносится латышская речь: мы попали сюда во время передачи очередного радиобюллетеня — устной газеты, очень популярной на фабрике.

Мы выслушиваем передачу и по свежим ее следам отправляемся в фабричные цехи.

«Сегодня наша фабрика выполнила месячный план на 103,6 процента. Только один швейный цех уже два дня срывает задание. За день недодано 500 штук белья, — говорила швея Зента Гринупс. — Если мы хотим дать народу больше белья, так работать нельзя. Нужно усилить бдительность комсомольских контрольных постов. Ни один недостаток не должен остаться незамеченным!»

И вот мы в швейном цехе. Комсомольский пост представлен Валентиной Васильевой. Услышав по радио свою подругу Зенту, она зорко следит, нет ли перебоев в работе цеха. Здесь висит доска брака с очень выразительными экспонатами. Как пройти мимо рубашки, к которой пришиты... три рукава! Местный поэт отозвался на такую аномалию не очень складными, но злыми стихами. Здесь все используется для того, чтобы пристыдить бракоделов.

Мы слышали по радио сообщение о том, что работница мотального цеха Евгения Древс, освоив новую машину, обучила 13 девушек, и все они работают отлично. Оказавшись в этом цехе, мы любуемся машинами, изготовленными Климовским заводом. Обновлена техника и в других цехах; новое оборудование достигает здесь почти 80 процентов. В старой Латвии, при частном хозяине, «Сарканайтс ритс» не производила и пятой части той продукции, которую дает она сейчас.

В послевоенные годы здесь установлена совершенная вентиляция; лампы дневного света не режут глаз; в закройном цехе портные орудуют электроножницами.

Радиобюллетень извещал, что фабрика занята «облагораживанием ассортимента». Что это значит?

Разъяснения дает нам молодой инженер Марианна Балашева, в прошлом году окончившая Московский текстильный институт.

— Вот это мы выпускаем впервые, — говорит она, показывая женские сорочки с новой отделкой, белье из тонкого трикотажного полотна с начесом, ночные сорочки для девочек...— Разрабатываем еще семь новых фасонов белья. Оно будет красивее, наряднее и прочнее того, которое мы выпускаем сейчас. Вот это у нас и называется облагораживанием ассортимента.

В вязальном цехе мы увидели, как делают полотно, которое, пройдя весь производственный процесс, превратится в красивое белье. Ловко и сноровисто работает здесь вязальщица Гена Дагелите.

Мы слыхали по радио о работе перчаточного цеха и направились туда. Вязальщицы перчаток трудятся сосредоточенно. На каждой машине вяжется особый рисунок, и каждая пара перчаток чем-то отличается от другой.

Начальник цеха Марта Приеде поясняет:

— Конечно, каждый покупатель, и особенно покупательница, хочет носить перчатки с вышивкой, какой нет у других... Поэтому мы стараемся разнообразить их. Образцы создаем зачастую сами. Чаще всего зарисовываем национальные узоры, которые и воспроизводим на перчатках. Рижанкам они как будто нравятся, и нам приятно услышать в магазине: «Дайте перчатки «Сарканайтс

ритс», на них красивая вышивка».

Продукция фабрики, раньше чем попасть на прилавки, проходит тщательный и строгий контроль. Сортировщицы внимательно просматривают изделия и прикрепляют к ним фабричные ярлыки. Их три вида: красный, означающий, что изделие первого сорта, зеленый — второго и синий — третьего. На стеллажах, где лежит продукция последнего дня, почти все ярлыки оказались красными, изредка лишь перемежаясь с зелеными и синими.

Когда мы осмотрели фабрику, репродукторы вновь ожили: передавали последние фабричные новости.

...В кинотеатре демонстрируется журнал, в котором есть кадры о работе нашей фабрики.

...Детский сад для наших ребятишек будет готов через несколько дней.

...Из вечерней школы рабочей молодежи жалуются, что работница — ученица десятого класса — пропустила несколько занятий.

Передача заканчивалась призывом:

— Товарищи! Увеличим выпуск белья, улучшим его качество, выполним задание нашего родного правительства!

Директор «Сарканайтс ритс» С. Ф. Тарнович говорит нам, что фабрика получила дополнительное задание дать в этом году много высококачественного трикотажного белья.

На фабрике бережно хранятся письма потребителей с отзывами о качестве ее изделий. Два письма показались нам особенно интересными. Автор первого из них,— видимо, человек богатырского роста, и достать белье нужного размера было для него нелегкой задачей. Он благодарит «Сарканайтс ритс»: здесь подумали и о таких, «из ряда вон выходящих» людях.

Автор второго письма — москвичка — пишет:

«Нам хорошо известна продукция вашей фабрики. Трикотаж ваш красив, прочен, мягок, удобен, при стирке и на солнце не линяет и не выгорает».

«Сарканайтс ритс» приступает к капитальному строительству. Будут воздвигнуты большие корпуса, расширены цехи, установлено новое оборудование. Уже в ближайшие годы производство белья возрастет в три раза.

Раньше чем попасть на прилавок, белье проходит строгий контроль. Его осматривают сортировщица Анна Адамс (сидит) и старший контролер Мери Стабиньш.

Идет передача фабричного радиобюллетеня. У микрофона—Зента Гринупс. Рядом — председатель фабкома Нина Захваталова.

Сегодня Александра Ивановна отдыхает. За ней и ее мужем старательно ухаживает официант Г. Е. Садомовский.

И. АГРАНОВСКИЙ

Фото Н. Капелюша.

Воскресный день в Сормове. На главной его магистрали — улице Коминтерна — поток гуляющих сормовичей. Осаждены кассы Дворца культуры и кинотеатра при Дворце пионеров.

В 12 часов дня открываются двери сормовского ресторана «Плес». Большой зал заполняется довольно быстро. То в одном, то в другом конце сдвигаются столики, рассаживаются многолюдные компании.

В этом ресторане нередко играют свадьбы, празднуют дни рождения, отмечают всякие семейные торжества.

Знакомимся с одной из компаний, ожидающей, пока официант сервирует стол «на четырнадцать персон». Самой младшей «персоне» — Светочке Баевой — пять лет. Хотя она впервые в ресторане, но чувствует себя здесь отлично: ей нравится и музыка и красивая посуда, которую так ловко устанавливает одетый в черную пару официант Григорий Евстифьевич Садомовский. Старшему за столом восемьдесят три года. Это Петр Григорьевич Григорьев, потомственный сормович, ныне пенсионер, а в прошлом рабочий «Красного Сормова», сорок семь лет проработавший на этом заводе. Рядом с Петром Григорьевичем — верная подруга жизни Александра Ивановна.

Недавно Григорьевы и породнившиеся с ними семейства Петровых, Баевых, Булаевых праздновали «золотую» свадьбу Петра Григорьевича и Александры Ивановны. А сегодня они отмечают в ресторане возвращение домой Виктора Петрова, отслужившего свой срок во флоте. К тому же приехал с Балтики в отпуск Василий Петров, механик рыболовецкого траулера. Встречу с братьями задумала отпраздновать Раиса Яковлевна Петрова, жена заводского мастера Николая Петровича Григорьева. Она же и предложила провести эту встречу в ресторане, «чтобы маме хлопотно не было».

Раиса Яковлевна и ее муж побывали предварительно у директора ресторана, оговорили общую сумму расходов и меню обеда. В отношении напитков заказчики были удовлетворены полностью: «карта вин» в ресторане обширна. А вот над съестной частью пришлось подумать: кое-чего не нашлось на складах ресторана, кое-какие блюда оказались слишком дорогими. Приятно было, что ресторан принял заказ на лю-

За сдвинутыми столиками рассаживаются семейные компании.

бимое многими в их семье блюдо — заливную севрюгу, — на фрукты, а также на праздничный торт с поздравительной надписью в адрес Васи и Вити.

Все взрослые за столом довольны затеей Раисы. Правда, то Александра Ивановна, то Раиса Яковлевна по забывчивости приподнимаются со своих мест: сменить тарелки, разложить еду, — но это ни к чему.

— Ты посиди, мать. Сегодня и без тебя управятся. Уж за нами Григорий Евстифьевич поухаживает. Он, видать, мастер своего дела,— говорит жене Петр Григорьевич, и, польщенный похвалой, официант старается.

Обед проходит шумно, непринужденно. Соревнуются в морских рассказах виновники торжества Василий и Виктор; взобравшись на колени к отцу, читает стихи Света. Никто не смущен тем, что за соседними столиками сидят незнакомые люди. Только, если кто-нибудь из ребят начинает капризничать, его урезонивают: «И тебе не стыдно, при посторонних-то!»

Неподалеку — другой большой стол. Здесь в семейном кругу отмечает сорок первую годовщину со дня рождения заведующий экспедицией сормовского завода Александр Стрелков. Стрелковы и Григорьевы — соседи, или, как говорят на Волге, «шабры». Их дома стоят по улице Калашникова почти рядом. Стрелковы — тоже потомственные сормовичи. Глава семьи — слесарь-пружинщик Павел Степанович Стрелков — числит за собой пятьдесят семь лет трудового стажа. Но на покой он еще не ушел: ему «только» семьдесят лет. Он и в ресторане молодец молодцом. После каждой выпитой рюмки Павел Степанович крякает и победоносно осматривает сидящих за соседними столиками: вот, мол, как надобно!

В семье Стрелковых, видать, сильна артистическая жилка. Именинник, договорившись с оркестром, затягивает «Ямщика», да так сильно, что ресторанный гул стихает: все слушают певца. Александра Стрелкова многие в Сормове знают как артиста-любителя; на протяжении пятнадцати лет он неизменный участник самодеятельных концертов в Сормовском Дворце культуры. Говорят, хорошо играет на баяне и лихо танцует его брат — слесарь Николай Стрелков. Но баяна нет при себе, а танцевать Николай отказывается: слабы подметки! Может, и так, а вернее, смущается. А вот восьмидесятитрехлетний Петр Григорьевич Григорьев, тот пускается в пляс. Пляшет он старинную «барыню».

Первыми поднимаются из-за стола Стрелковы. Жене Александра, Елизавете, вечером идти на работу.

За «радушный прием, внимание, культурное обслуживание» Александр Стрелков оставляет благодарственную запись в книге отзывов. Благодарность коллективу ресторана выносит и семья Григорьевых. Но устроители обеда желают еще и лично повидать шеф-повара. Иван Федорович Никифоров приходит в зал. Он низко кланяется и говорит, обращаясь к П. Г. Григорьеву, что ему особо приятно угодить старым нижегородцам, жителям города, где тридцать семь лет он работает у кухонной плиты.

Столы, освобожденные Григорьевыми, пустуют недолго: за них усаживаются двенадцать человек — семья рабочего-токаря Александра Никифоровича Красильникова, который отмечает в ресторане возвращение сына из длительной экспедиции.

Так в одно из воскресений три большие рабочие сормовские семьи праздновали в ресторане «Плес». Они пошли сюда потому, что здесь нарядно и весело, потому, что это избавляет хозяев от хлопот по закупке продуктов, приготовлению обеда, сервировке стола, мытью посуды. Такие семейные обеды за последнее время стали обыденным, хотя еще и не массовым явлением в ресторанах города Горького. Новый обычай, рожденный благодаря росту материального благосостояния, может стать повседневной чертой семейного быта советских людей.

После обеда благодарят того, кто так вкусно всех попотчевал,— шеф-повара И. Ф. Никифорова.

САВРОВЫ
БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ

М. МАРИНА

Фото Г. Санько.

Прогудит гудок. На широкие тротуары новых улиц Расточки дружно повалит народ. Идет со смены и Александр Васильевич Савров.

Люди не ходят медленно, когда им пора на работу или уже время обедать. Александр Васильевич даже опережает других. Но он все равно заметит все новое на знакомом пути. Вот новый дом. Утром еще ничего не было на окнах. А сейчас вон на одном окне уже появилась целая колония кактусов самых причудливых форм. Надо будет зайти узнать: кто же это такой любитель колючек? На другом окне умывается кошка. Это, как говорят, к гостям. Ясно: будет новоселье. Под кленами поставили длинный стол с книгами: идешь, увидал нужную книжку и сразу купил. Вдоль тротуара бежит чистый ручеек. Самосвалы продолжают возить песок и гравий для новой мостовой. На другой стороне улицы, у высоких колонн клуба, выставили афиши. Но Александр Васильевич не прочитал, что в афишах. Он увидел своего одиннадцатилетнего сына Борю.

Прорыв глубокие траншеи в песчаных холмах, возились мальчишки. Его Борис стоял на коленках и, запустив руки в мокрый песок, кричал сердито:

— Эй вы! Укрепляйте дамбу! Вода хлынет в котлован и все к чертям снесет!

Сам он работал, не щадя ни сил, ни новой бархатной курточки. Он старался сдвинуть сразу целую гору песку навстречу воде.

На краю канавы валялись портфели с книгами. Савров переложил их на более сухое место. Никто не обратил на него внимания. Тогда он позвал:

— Боря!

— Папа! — улыбнулся обрадованно Борис.

Старший Савров кивнул головой в сторону дома.

— Я скоро, папа, нам только дамбу укрепить.

...Люся расставляла на столе тарелки, раскладывала ложки и вилки. И все проверяла: на середине ли стоит хлебница?

— Ну вот, мама, все готово, а Бориса нет.

Евгения Ефимовна подняла глаза на часы. Да, опаздывает. И Александр Васильевич сам что-то долго умывается, переодевается. Или ей кажется?

Теперь он занялся люсиными тетрадями. Будто это нельзя сделать после обеда. Люся, конечно, рада. Она совсем завладела папой. Обхватила его сзади за шею руками и заглядывает в лицо. А косы свесились на тетрадку.

— Ну что ты мне своими бантами все пятерки загородила?

На косых линейках аккуратные, с нажимом буквы. А в конце страницы красная пятерка.

Евгения Ефимовна поглядела на них и прошла в столовую.

Со стуком распахнулась дверь в передней.

— Ух! Вот и я! — Боря запыхался, вбегая на лестницу через две ступеньки. — Папа, а мы кончили! Теперь не снесет.

Александр Васильевич вышел в переднюю, взял у сына портфель и молча указал ему на его размокшие ботинки.

Борис кивнул головой, быстро разулся, поставил ботинки в уголок, к самой двери, и пошел в ванную, стягивая на ходу куртку. Ее лучше всего повесить на веревку посушить, пока не увидела мама. Но мать стояла на пороге.

Разговор вышел крупный. Борис совсем развинтился. Учительница жаловалась: вертится на уроках, болтает с соседями. К обеду опаздывает, приходит «рюша рюшей».

Боря страстно возразил: какое же это развинчивание? Ведь они строят канал. А на уроке он вовсе и не болтал, а только хотел спросить...

Александр Васильевич посмотрел на сына и укоризненно покачал головой. Боря замолк.

— Ну, хорошо, — повернулся он к матери, — давайте мне теперь какие-нибудь черные рубашки и старый пиджак.— И вдруг вспомнил: — Ой, папа, а в портфеле что есть! У меня только руки грязные...

В портфеле оказалась большая красивая книга — сборник песен для детей. Это подарок от школы за хорошую работу в кружке «Сделай сам».

— Ну, давай сюда курточку, — сказала мама. — А уж ботинки чисть сам!

* * *

Им нравится есть на кухне. Тут широкое окно, заставленное цветами, хотя цветов у них везде много — это Александра Васильевича забота, недаром он обратил внимание на кактусы. Здесь на окне растет виноград, лимоны, алоэ и во всех комнатах китайские розы со множеством алых или светлорозовых цветов.

Когда на столе появилось большое блюдо горячих пирогов, настала тишина. Всем не до разговоров.

Люся заспешила, надкусила пирог, хотела что-то сказать и обожглась до слез.

— Так бывает с теми, кто не знает, как взяться за дело, — сказал Борис и, разломив пирог, стал дуть на начинку.

— Да ты нарочно делаешь правильно, чтобы меня учить. А если бы я была старшая и кого-нибудь учила, я бы все время делала правильно, — ворчала Люся, надувшись.

После обеда у всех свои дела. Боря и Люся уселись за уроки.

Александра Васильевича интересует, какую обновку для Василька шьет Евгения Ефимовна.

Александр Васильевич — за газеты. А потом он тоже возьмет свою общую тетрадь и начнет заниматься.

Евгения Ефимовна сняла с полки полученный сегодня новый том Горького и раскрыла его, сев к большому столу, под круглый абажур. Но задумалась и отодвинула книгу. Потом взяла пяльцы. Она мастерица вышивать гладью. Всюду в доме ее работы: на радиоле, на полках, на окнах. Но и пяльцы она отложила в сторону.

— Поди сюда, Саша, — позвала она мужа.

Он подошел, ожидая продолжения разговора о Борисе; они никогда не спорят при детях. И он знал, что сейчас будет высказано: хорошо ему быть добрым: не ему приходится с утра до вечера возиться — то стирать, то чистить, то гладить... «Но ведь об этом можно было бы и после поговорить. Нынче надо столько прочитать!» — подумал он с досадой.

— Саша, знаешь... — начала Евгения Ефимовна.

У нее было такое лицо, что он сразу позабыл о своей досаде.

— Люся вот жалуется, что она у нас самая младшая... Что ей некого учить. Так вот, оказывается, будет ей, кого учить.

Он сел с нею рядом...

Пока Боря строит свой канал на мостовой. Пройдет шесть лет, окончит он десятый класс и скажет: «Папа и мама! Я решил уехать от вас». Захочет, поедет в Москву, в архитектурный институт. Он любит и строить и рисовать. Захочет, — в Ленинград, учиться на судоводителя. Мало ли куда его потянет? Уедет он, а через три года то же самое заявит и Людмила. Вот и останутся они вдвоем...

Придешь домой, и никто не кинется к тебе с разбегу на шею... А утром? Сейчас и на него поглядишь и на нее и каждому из них что-то скажешь...

Евгения Ефимовна слушала мужа.

Потом встала и, выдвинув верхний ящик письменного стола, взяла старую, пожелтевшую тетрадку с завернувшимися темными уголками.

— Помнишь?

«7 ноября 1941 года. Вчера, в 21 час по московскому времени, родился Борис Александрович Савров в больнице на станции Бисертский завод, Нижне-Сергинского района, Свердловской области».

Они молча перелистывали линованные страницы. Лица их сделались серьезными.

То было трудное время. Война согнала людей с места. Одни отдавали жизнь в битве с врагом, жизнь других состояла в том, чтобы у солдат всегда было в руках оружие. Но маленький, родившийся в грозные дни войны, в чем он был виновен? Раз он родился, он должен был иметь и любовь и ласку. Это все, что могли дать тогда сыну молодые родители. Жилось им, как и всем, очень трудно. В одной комнате с ними помещалось еще четыре семьи с детьми.

«...Сегодня опять не спали оба. Мальчик плачет. Был врач, но ничем не помог. Саша столько работает и совсем не спит по ночам. Все думается о Ленинграде: почему оттуда нет никаких вестей?»

Но как бы ни страдал человек,

если у него молодое сердце, и сердце любящее, то и среди тревог и среди страданий оно способно давать ему минуты радости. И вот все тяжелое забылось, а минуты эти живут и сейчас, и Савровым кажется, что старые страницы излучают тепло.

— Смотри, что ты написал 5 декабря 1943 года!

«Сегодня нашей маме 21 год. Совсем старушка. Борю определили в ясли. Она устроилась на работу и очень довольна».

И вот опять пошли печальные строчки. Болезнь сына. Больница. Жертва, на которую пошла мать, бросив работу.

Александр Васильевич хотел побыстрей перевернуть страницу, но жена удержала его руку.

Она страдала оттого, что не могла работать. Борис болел долго и опасно. Его и спасла только материнская самоотверженность. Потом родилась Люся. Потом появился страх, что болезнь вернется... Видимо, она свыклась с обстоятельствами и оставила мысль о работе. Но, когда однажды он принес чертеж станка, чтобы дома без помех хорошенько вдуматься в замысел конструктора, оказалось, что Евгения Ефимовна не забыла того, что изучала на чертежно-конструкторских курсах в Ленинграде. Она была рада, что смогла помочь мужу. А он понял, что она терпеливо ждет, когда можно будет ей вернуться к работе.

Предприятие, на котором работал Савров, влилось в новый, построенный в годы войны завод. Они переехали в Новосибирск.

Подошла страна к своей великой, добытой героизмом и выстраданной народом победе. И в семье стало отраднее. Боря, подрастая, окреп.

Детство Люси, здорового и веселого ребенка, не омрачено ничем. Странички дневника рассказывают, как она «таращит глазки», как, позже, начинает говорить на каком-то своем языке...

* * *

И теперь, конечно, с появлением Василька, первой в доме просыпается мать.

Евгении Ефимовне стало труднее. Но Боря и Люся — хорошие помощники.

Они ходят за хлебом, за молоком, прибирают в комнатах. Все это с охотой, все это для него, для маленького брата.

Она много думает и о них, о старших. Нередко слышит, как посторонние люди хвалят ее детей. Чаще всего хвалят за самостоятельность.

Приходит на память, как иногда она делала детям замечания, а Александр Васильевич говорил:

— Оставь их в покое. Пусть делают, как им нравится, лишь бы основа была хорошая.

Однажды за обедом Боря попросил ее:

— Мама, добавьте мне супу.

— Почему «добавьте»? Ты меня стал величать на «вы»?

— Не величать, а звать вас и папу теперь так будем. Нам учительница объяснила, что всех, кого мы уважаем, мы должны называть на «вы». — Боря тогда был еще в первом классе.

— Так это посторонних, а родным, кого мы любим и кто нам близок, лучше говорить «ты».

— Это неправильно! — категорически возразил Боря.— Вас мы уважаем да еще и любим, это же еще больше! Значит, обязательно надо говорить «вы».

Так и настоял на своем. Она все сомневалась: хорошо ли это? А Александр Васильевич только посмеялся:

— Ну и что ж? Пусть называет так, раз он убежден, что так лучше.

И до сих пор дети говорят и ей и отцу «вы». Люся всегда и во всем следует за братом.

Боря и Люся встретили отца, приехавшего к ним в гости в пионерский лагерь.

Да, самое главное, чтобы была правильная основа. Много пришлось говорить, чтобы ребята полюбили порядок, чтобы они клали вещи на определенное место, чтобы никогда не тратили время ни на какие поиски. Но очень часто эти внушения забывались. И перед самым уходом в школу обнаруживалось, что нет на месте галстука или куда-то закатилась ручка. С тех пор, как отец научил Борю выпиливать лобзиком, беспорядки прекратились. Для ручек и карандашей Боря сделал резной стакан. Для книжек — переносную полку. Столярный инструмент висит на стенке. Приходится и Люсе прибирать свои коробочки.

Тринадцать лет прожили Савровы. Вместе учились, вместе начинали работать. Теперь Александр Васильевич — секретарь цеховой партийной организации. И всегда у него серьезные общественные обязанности: то он председатель заводского товарищеского суда, то делегат Областной и Всесоюзной конференций сторонников мира. Но ничто не мешает ему быть образцовым семьянином. И если у него спросить, что у него на первом месте — работа или дом, — он, наверное, ответит: все на первом. И Евгении Ефимовне очень хочется, чтобы дети знали побольше о своем отце, чтобы им хотелось быть похожими на него.

Первый разговор об отце вышел совсем неожиданно. У нее с детьми нет согласия из-за кино. Она охотно отпускает их только на детские фильмы, а они хотят смотреть каждую новую картину. И Люся всякий раз горячо доказывает, что идет «самое детское». В тот раз они просились на «настоящий детский фильм про двух мальчиков — про Кэто и Котэ».

Евгения Ефимовна была чем-то расстроена, и ей не захотелось убеждать Люсю, что это вовсе не два мальчика, и, чтобы сразу прекратить спор, она сказала с досадой:

— Даже отец не пустил бы вас сегодня!

Из разговоров взрослых дети знали, что их отец — лучший модельщик завода, что многие ему благодарны на всю жизнь за то, что он обучил их, сделал хорошими мастерами, что литейщики очень ценят его модели: он никогда не делает брака. А это очень важно, потому что папин завод изготовляет только редкие станки.

Когда дети бегали в завком узнавать про пионерские лагери, им показали папин портрет в заводской Книге почета. Даже в краеведческом музее среди портретов передовиков производства есть папина фотография. Да и сам он, придя с работы, не раз сообщал, не скрывая удовольствия:

— Получил благодарность от министра, объявили приказ.

Много у него таких благодарностей — и по министерству и по заводу.

Евгения Ефимовна стала рассказывать детям об отце. Он рано начал жить самостоятельно, рано начал работать, упорством добивался своего. Она рассказала о страшном несчастье, случившемся с отцом в пору его службы в армии. Ехал он однажды с товарищами к месту назначения. Дорога проходила по местам недавних боев — это был 1940 год, тогда только кончалась война с Финляндией — и вдруг разорвалась мина. Некоторых убило, некоторых ранило. Ему изувечило руку, повредило ногу.

Мать рассказывала детям, как их отец лежал в госпитале и горько думал: какой же он теперь мастер с одной левой рукой? Потом вышел из госпиталя, приехал к бабушке в поселок и стал нарочно ходить помногу, чтобы тренировать раненую ногу. Стал по ночам, чтобы никто не видел, рыть колодец: приучал к работе руку, учился держать лопату уцелевшими мизинцем и безымянным пальцем. Было очень мучительно, а он терпел и копал и колодец бабушке сделал.

— Ну, а дальше? — спрашивает Люся.

— Слушайте дальше... Можно учить людей, показывать им, что и как делать. Но это совсем не то, что делать самому. Хорошо самому стоять у верстака, держать в здоровых руках любой инструмент: фуганок, стамеску, сверло, долото. Хорошо строгать, тесать, сверлить, шлифовать душистое податливое дерево. А вот как быть, когда недостает пальцев? Как же тогда действовать инструментом? А он все равно стал учиться держать инструмент. И добился своего.

И вот он опять может взять деревянный чурбан и сработать из него умнейшую вещь — модель детали, — сделать точно по чертежу, изготовить все части модели огромного, сложного пресса или станка.

А дети рассказывали матери, как папа, когда приезжал к ним в лагерь, бегал с ними вместе, играл в волейбол, пел песни и всех смешил.

Им всегда весело вместе. В прошлое лето из-за Василька Евгении Ефимовне не пришлось садиться на велосипед. А то, бывало, все они, каждый на своей машине, только Люся у папы «пассажиром», мчались через Бугринскую рощу к реке. Евгения Ефимовна любит эти прогулки. У них есть свои дорожки. Хорошо нестись, весело позванивая на поворотах. Быстро расступаются светлые стволы, по лицу скользит прохладный ветер. На реке по светлому плесу сверкают пологие волны, синеет в кайме желтых песков остров, а в фиолетовой дымке на другой стороне, за водной ширью, виден большой город. Погреются они на солнышке, искупаются — и по знакомым дорожкам в обратный путь. А сколько радости, когда папа возьмет на Обь ловить рыбу! Даже Люся приходит с уловом: приносит пять ершей и штуки четыре чебачков.

* * *

Евгения Ефимовна подымается, пока не начал плакать Василек и не разбудил всех.

«Пока спит», «пока не плачет», «пока молчит» — эти слова теперь чаще всего употребляются в их житейском обиходе.

Многое нужно успеть, «пока не плачет». Если «уже проснулся», тогда все, кто дома, занимаются только им. Еще до своего появления на свет Василек заполнил их жизнь ожиданием, заботами. А теперь он подчиняет себе и больших и маленьких.

И уже трудно представить себе: как это все они жили, когда его еще не было?

Андрей Януарьевич Вышинский. К 70-летию со дня рождения.

«Огонек». 1953.

Иван Абрамович Емельянов — Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, председатель колхоза имени Тимирязева, Горьковской области.

Фото Е. Тиханова.

ДЛЯ СЧАСТЬЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

На сессии Всемирного Совета Мира. Выступление японского делегата Токусабуро Дан.

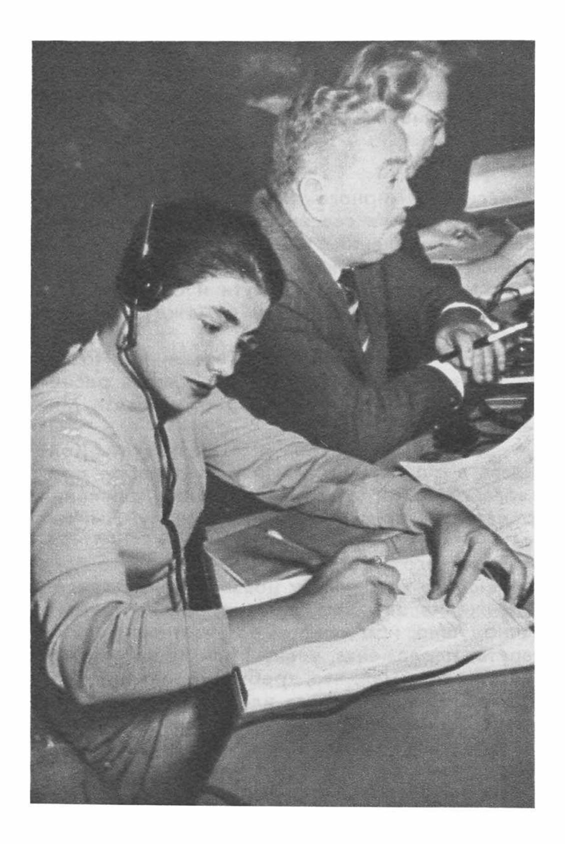
На венской сессии Всемирного Совета Мира было много выдающихся ученых, представляющих почти все отрасли человеческого знания. Они, естественно, говорили о том, что им ближе всего: о взаимопонимании и дружеском сотрудничестве ученых разных стран, как о большой силе, способной многое сделать для сохранения мира.

Президент Академии наук СССР А. Н. Несмеянов говорил на сессии об огромных успехах науки, ее возможностях, возрастающих с каждым днем. Однако многие ученые капиталистических стран еще отдают свой труд и знания концернам, ведущим подготовку войны.

Вот почему объединение усилий ученых всех стран в борьбе за мир — важная и благородная задача. Советские ученые делают очень многое для того, чтобы наладить международное сотрудничество в области науки и техники. За последнее время СССР посетили делегации ученых тридцати стран.

Американские вдохновители «холодной войны» не желают международного сотрудничества в науке. Многие ученые стран Америки, Европы и Азии не могут получить у своих правительств паспортов для поездки в Советский Союз или подвергаются травле и преследованиям, едва они выскажут такое пожелание.

В дни работы сессии академик А. Н. Несмеянов устроил прием в честь ученых — борцов за мир. Собрались 50 крупных деятелей науки разных стран. Здесь встретились в непринужденной беседе Фредерик Жолио-Кюри и президент Германской академии наук Вальтер Фридрих. Профессор Токийского университета Икуо Ояма и видный китайский ученый Бай Си-цин беседуют с академиком А. И. Опариным. Представитель Индии Сокхей крепко пожимает руку польскому физику Леопольду Инфельду.

Делегаты Бразилии — актриса В. Орика и генерал Э. Буксбаум.

Французская делегация в зале заседаний сессии.

Икуо Ояма, приветствуя А. И. Опарина, говорит, что один из трудов Александра Ивановича вышел в Токио двенадцатью изданиями. Опарин спрашивает, получили ли японские ученые приглашение Академии наук СССР приехать в Москву.

— Да,— отвечает Ояма,— получили и были очень обрадованы. Но... — профессор разводит руками,— в министерстве иностранных дел заявили, что японские ученые паспортов не получат. Однако мы боремся за эти паспорта и добьемся их!

Старый японский профессор рассказывает о борьбе своего народа за мир. Когда, например, бастуют рабочие того или иного завода, протестуя против перевода предприятия на военные рельсы, их нередко поддерживают ученые, студенты, врачи. Недавно американцы заявили, что «в целях обороны» им нужны здания, которые с давних времен занимал институт по изучению деятельности вулканов. Американские «друзья» предложили японскому правительству закрыть одно из старейших научных учреждений Японии. Весь коллектив ученых воспротивился этому. Их горячо поддержали рабочие.

— Эта взаимная поддержка всех миролюбивых сил нашей страны и есть то новое, что появилось в последнее время в японском движении за мир,— говорит Икуо Ояма.

...Профессор Жолио-Кюри ведет оживленный разговор с вице-президентом Болгарской академии наук Георгием Наджаковым. Оказывается, много лет назад они вместе учились в Париже у выдающегося физика, профессора Поля Ланжевена. Георгий Наджаков привез Жолио-Кюри диплом: выдающегося французского ученого недавно избрали почетным членом Болгарской академии наук.

В другом конце зала о чем-то беседуют профессор Леопольд Инфельд и видный английский экономист Гарольд Уоткинс.

Уоткинс шутливо замечает, что очень польщен: окружающие дают ему лишь пятьдесят лет, на самом деле ему семьдесят два. Инфельд расспрашивает собеседника о его поездке в Советский Союз.

— Я был там в прошлом году,— говорит Уоткинс.— Это было самое увлекательное путешествие из всех, какие я когда-либо совершал.

Я убедился, что наши газеты все время пишут неправду о Советском Союзе. Я убедился далее, что Советская страна, ее народы и правительство действительно стремятся к миру и борются за него и что Англии ничто не угрожает с этой стороны.

Профессор Инфельд выражает сожаление, что на сессию Всемирного Совета Мира не смог приехать соотечественник Уоткинса профессор Бернал. Участники сессии с огромным вниманием слушали присланную им речь.

— Профессор Бернал совершенно прав,— говорит норвежец Розенквист,— когда он зовет ученых Западной Европы и Америки осознать возложенную на них ответственность. Между тем многие не чувствуют этой ответственности.

Розенквист считает, что Всемирному Совету Мира следовало бы обратиться ко всем ученым с призывом не вести исследовательской работы, способствующей подготовке оружия для атомной, бактериологической или химической войны.

К мнению Розенквиста присоединяется болгарский академик Методий Попов. Французский профессор Мальтер повторяет то, что он говорил с трибуны сессии: народы должны заставить Соединенные Штаты ратифицировать и соблюдать Женевскую конвенцию о запрещении бактериологической войны.

С места поднимается Александр Николаевич Несмеянов и взволнованно произносит:

— Мне хотелось бы первые слова посвятить Фредерику Жолио-Кюри. Мы признательны ему дважды — как крупнейшему ученому нашего времени и как боевому лидеру движения сторонников мира, к каждому слову которого прислушиваются сегодня миллионы людей. Пожелаем ему доброго здоровья и новых сил в его работе, столь необходимой для всего человечества!

Жолио-Кюри дружески благодарит академика Несмеянова. Как и все собравшиеся, он придает большое значение этой встрече. Да, действительно трудно переоценить личное общение ученых разных стран, объединенных одним благородным стремлением!

Слово берет Вальтер Фридрих, представляющий здесь ученых Германской Демократической Республики.

— Две недели назад,— говорит он,— наша делегация ознакомилась с жизнью и творчеством советских ученых. Переходить из лаборатории в лабораторию, из института в институт, убеждаться, как велика и почетна роль советской науки в строительстве новой жизни,— это было большой радостью для меня и моих коллег.

— Позвольте и мне сказать несколько слов,— говорит английский экономист Гарольд Уоткинс.— Вернувшись из поездки в СССР, я написал книгу обо всем увиденном. Много дней и много сил мне пришлось потратить на то, чтобы эта книга была издана. Мне пришлось потратить на это и много денег, потому что английские издатели не очень охотно издают книги о Советском Союзе, если, конечно, в них рассказывается правда. Правда об СССР — ключ к миру, правда об СССР — ключ к взаимопониманию. Поэтому я хочу, чтобы Англия была ближе к СССР.

Профессор Леопольд Инфельд (слева) и Гарольд Уоткинс.

Представители Латинской Америки — бразильский писатель Жоржи Амаду (справа) и чилийская художница Джанара Да Мотта-и-Сильва.

Арнольд Цвейг беседует с заслуженной учительницей Германской Демократической Республики Ингеборг Фойгт.

— После освобождения Китая,— говорит профессор Бай Си-цин,— наш народ приступил к мирному строительству. Мы уверены в том, что наша дружба с учеными Советского Союза помогает не только в экономическом строительстве моей страны, но и играет огромную роль в укреплении мира.

Еще долго продолжался сердечный разговор ученых разных стран, охваченных благородной заботой о мире, о том, чтобы власть человека над природой, даваемая научным знанием, была использована в интересах счастья и жизни, а не горя и смерти. Ученые расходились с этого вечера поздно, по уже опустевшим улицам Вены.

* * *

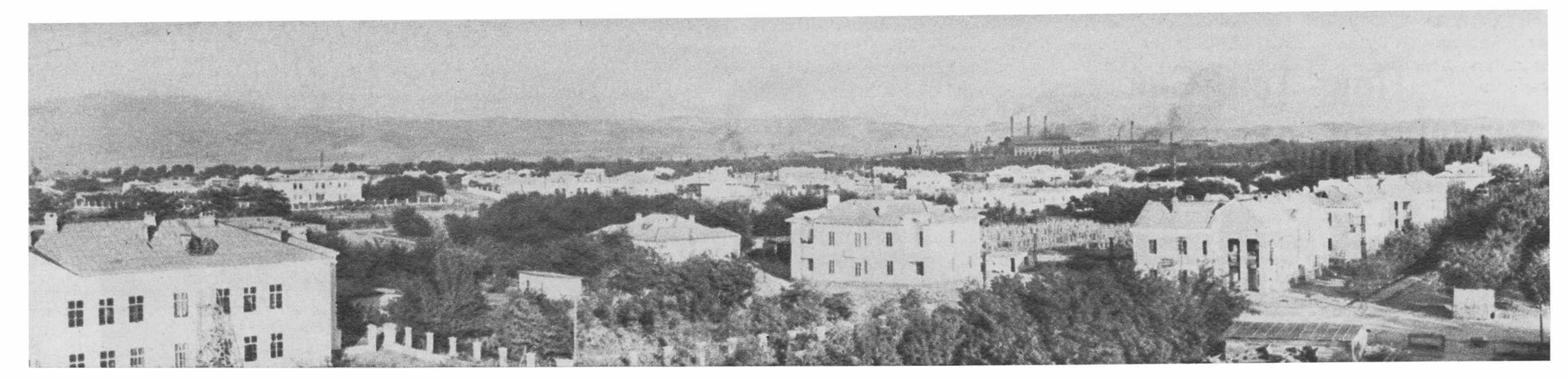
Сессия Всемирного Совета Мира закончилась. Участников сессии, людей разных политических направлений, философских взглядов и социального положения, объединяло одно: стремление найти новые пути и средства для ослабления напряженности в международных отношениях.

Бывший рейхсканцлер Германии Иозеф Вирт, отвечая на вопрос о том, как он расценивает работу сессии Всемирного Совета Мира, сказал:

— Я с радостью вспоминаю результаты Конгресса в защиту мира в Вене в декабре прошлого года, когда волна народного движения прокатилась по всему земному шару. Нынешняя сессия — прямое продолжение того знаменательного конгресса. Именно поэтому я расцениваю сессию как новый большой вклад в движение за мир. Решения сессии приняты единодушно, ибо каждый ее участник, будь то депутат парламента, ученый или профсоюзный деятель, понимал, что, требуя встречи представителей великих держав или ликвидации военных баз на чужих территориях, он тем самым защищал интересы своего народа, защищал самое дорогое для всех людей — право на жизнь, на безопасность, на мирный труд.

К. НЕПОМНЯЩИЙ,
специальный корреспондент «Огонька».

Вена.

Беговат — город узбекских металлургов. Фото Г. Графкина.

Новые дома металлургов

Непрерывно строится и хорошеет Беговат — юный город узбекских металлургов. В новые, благоустроенные дома въезжают семьи сталеваров, мастеров, инженеров и техников.

Только что передан городу 14-квартирный жилой дом. Заканчивается строительство еще четырех жилых домов. В каждой квартире 2—3 комнаты.

Недавно в Беговате приступили к сооружению Дворца металлургов. В нем будут зрительный зал на 400 мест, комнаты для работы кружков художественной самодеятельности, спортивный зал. В архитектуре будущего Дворца широко используются мотивы национального узбекского зодчества.

Н. СОЛОВЬЕВА

Финские художники

На открытии выставки финского изобразительного искусства. Выступает глава делегации финских художников ректор Художественной школы Академии художеств Финляндии А. Хейнонен.

Фото М. Озерского.

В залах Академии художеств СССР открылась выставка финского изобразительного искусства, на которой представлены лучшие произведения художников Финляндии, созданные на протяжении ста лет.

Никогда еще советские зрители не имели возможности столь глубоко и полно познакомиться с финским изобразительным искусством. Впервые такая большая выставка, собранная из произведений, хранящихся в государственных собраниях и частных коллекциях, направлена Финляндией за границу.

Раздел живописи — наиболее обширный на выставке.

Финские художники берут сюжеты из жизни, они находят для себя темы в окружающей их природе, в своих повседневных занятиях, в быту. Поэтому так много на выставке — и это очень ценно — жанровых картин, картин на темы труда.

Реалистами-бытописателями выступают прогрессивные художники конца прошлого века Э. Ярнефельт и А. Эдельфельт. Хорошо представлено творчество и других крупнейших художников Финляндии, в том числе П. Халонена и А. Галлен-Каллела. Среди работ П. Халонена выделяется большое полотно «Сплавщики у костра», то самое, о котором М. Горький писал в очерках «С Всероссийской выставки»:

«В лесу, на снегу, среди печальных, покрытых инеем деревьев, горит — живым огнем — костер, и трое финнов сидят вокруг его. На их лицах — как и на всем вокруг них — дрожат багровые отблески огня. Сначала эта картина кажется грубой, потом она оживает и охватывает вас. Вы чувствуете, что еще ярче, чем огонь костра, горит сердце художника любовью к своей суровой стране и к людям ее — хмурым, печальным, утомленным борьбою с ней, бедным людям».

Среди работ Галлен-Каллела портрет Максима Горького, написанный в 1906 году, когда великий пролетарский писатель приезжал в Финляндию.

Глубоким содержанием привлекают картины Ю. Риссанена, посвященные простым труженикам («Вязальщица», «Кожевники», «Поломойки»).

Большое влияние на развитие национальной финской скульптуры оказали народные традиции резьбы по дереву. На выставке представлены произведения мастеров, с успехом продолжающих в своем творчестве эти традиции (Х. Аутере, Э. Халонен).

Толпа зрителей окружает витрину с небольшими жанровыми деревянными скульптурами А. Каасинена. На лицах зрителей веселое оживление: нельзя без улыбки смотреть на забавные группы, глубоко народные, типичные образы, выполненные с искрящимся юмором. Вот любитель-рыболов, рискующий превратиться в сосульку у проруби и, тем не менее, терпеливо дожидающийся добычи; вот два голых приятеля в бане, оживленно разговаривающие. Добродушно ли подшучивает скульптор над влюбленной парочкой («Придешь ли вечером на станцию?») или весело рассказывает об эпизоде с покупкой коровы — везде он остается блестящим и своеобразным мастером, талантливым скульптором, тонким и острым наблюдателем повседневных и ярких жизненных сценок.

«Мир» — назвал свою скульптуру В. Аалтонен — один из лучших финских ваятелей, приехавший вместе с группой финских художников в Советский Союз. В. Аалтонен представлен на выставке не только как монументалист, но и как вдумчивый психолог-портретист (портреты композитора Сибелиуса, Алексиса Киви и других) и как блестящий жанрист. На выставке экспонирована широко известная работа В. Аалтонена — портрет знаменитого финского бегуна Пааво Нурми.

Выразителен скульптурный портрет президента республики Ю. К. Паасикиви работы Э. Рэнвалл. Творчество Э. Рэнвалл одухотворено проникновенным интересом к человеку, к его внутренней жизни; поэтому так хороши ее портреты, особенно детские, выполненные в оксидированной бронзе.

Выставка финского изобразительного искусства оставляет глубокое впечатление. Знакомя с путями и этапами в развитии финского изобразительного искусства, она служит делу укрепления дружественных связей между народами СССР и Финляндии.

А. АБРАМОВА

ВЕЧЕР АНГЛО-СОВЕТСКОЙ ДРУЖБЫ

26 ноября в Москве, во Всесоюзном обществе культурной связи с заграницей, состоялся вечер, посвященный месячнику англо-советской дружбы. Среди участников вечера — советские ученые, литераторы, артисты, деятели культуры, члены английской делегации, прибывшей в СССР. На вечере присутствовал представитель Посольства Великобритании в СССР г-н Ричард Фриборн.

На снимке: перед открытием вечера члены английской делегации знакомятся с выставкой книг английских авторов, изданных в Советском Союзе на английском и русском языках.

Фото Е. Тиханова.

МОЖАЙСКИЕ КОЛХОЗНИКИ НА УКРАИНЕ

Из года в год ширится социалистическое соревнование между колхозниками Переяслав-Хмельницкого района, Киевской области, и Можайского района, Московской области.

Недавно в районный центр Переяслав-Хмельницкий прибыла делегация колхозников Можайского района для обмена опытом работы, проверки выполнения социалистических обязательств и заключения нового договора на социалистическое соревнование в 1954 году. Трудящиеся Переяслав-Хмельницкого тепло встретили своих русских братьев. На центральной площади города состоялся митинг. Звеньевая колхоза имени Шевченко Переяслав-Хмельницкого района Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета Украинской ССР Е. С. Хобта преподнесла гостям по старому обычаю хлеб-соль.

На снимке: Е. С. Хобта (слева) и звеньевая колхоза «Майское утро», Можайского района, Московской области, Е. Н. Авсиевич.

Фото Н. Цидильковского (ТАСС).

Пак Тен Сик защитил диссертацию

Простившись с друзьями, с преподавателями, на следующий же день после защиты диссертации Пак Тен Сик, недавний аспирант Московского государственного университета, уехал к себе на родину — в Народно-Демократическую Корейскую Республику.

Пять лет проучился Пак Тен Сик в лучшем университете нашей страны. Длительную работу над диссертацией Пак Тен Сик заканчивал в общежитии для аспирантов в новом здании университета на Ленинских горах.

Трудную жизнь прожил Пак Тен Сик, прежде чем стал аспирантом Московского университета. Сыну бедного рыбака нелегко было получить знания в стране, порабощенной японскими милитаристами. Чтобы днем учиться, надо было много работать вечером. Но и тогда не все шло гладко: за участие в студенческих волнениях его арестовали. Все же Пак Тен Сик окончил гимназию в Пхеньяне, а потом университет в Сеуле. В студенческие годы он познакомился с работами классиков марксизма.

В 1945 году советские войска принесли в страну долгожданное освобождение. В молодой Корейской республике вместе со всеми Пак Тен Сик начал новую жизнь. Он преподает в университете, работает в Обществе культурной связи с Советским Союзом, одновременно сотрудничая в газетах и журналах. Но мысль о дальнейшей учебе никогда не покидала Пак Тен Сика, он в 1949 году едет в Москву и поступает в аспирантуру университета.

Недавно Пак Тен Сик защитил кандидатскую диссертацию на интересную тему: «Современная корейская литература после освобождения». Ученый совет единодушно присвоил ему звание кандидата филологических наук.

Пак Тен Сик теперь возвратился в свой родной Пхеньян; там он снова будет учить студентов, многие из которых пришли в университет уже в мирное время. На память о корейском аспиранте остались его стихи о Пхеньяне, напечатанные в стенной факультетской газете университета — «Комсомолия». Студенты читают:

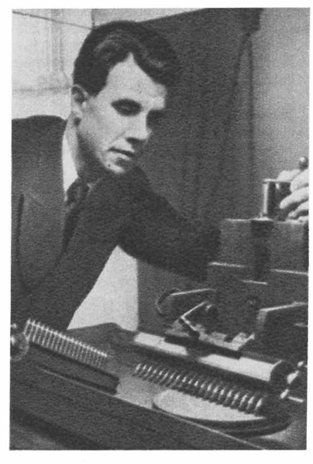
Я знаю, ты будешь прекрасней стократ,
Это время придет неизбежно, скоро.
И за это, строителем ставший солдат,
Я люблю тебя,
город!

Т. ТРОИЦКАЯ

Друзья поздравляют Пак Тен Сика после защиты диссертации.
Фото М. Озерского.

На ювелирной фабрике

Конструктор А. В. Моргунов наблюдает за работой станка.
Фото Я. Кунина.

На Свердловской ювелирно-гранильной фабрике установлен экспериментальный станок-полуавтомат, позволяющий обрабатывать сразу двадцать драгоценных камней.

Станок изготовлен в механическом цехе фабрики. Конструкция его разработана главным инженером А. Моргуновым и инженером П. Перепелкиным. Сейчас изобретатели работают над усовершенствованием станка, стараясь довести количество одновременно обрабатываемых камней до пятидесяти.

Н. РОЗИНА

Пароход «Всеволод Вишневский»

Пароход «Всеволод Вишневский» благополучно закончил свою первую навигацию и отправился в затон. Это новое пассажирское судно плавало минувшим летом по Волге и Каме от Горького до Молотова.

Перед тем, как уйти в последний рейс, команда этого парохода принимала гостей из Москвы. По приглашению матросов в Горький приехали представители комиссии по литературному наследству писателя, имя которого носит пароход. Команда очень интересуется жизнью и творчеством писателя, и не только потому, что судно названо его именем. Всеволод Витальевич Вишневский сам был когда-то матросом и в боевом восемнадцатом году служил на флагмане Волжской военной флотилии — прославленном «Ване-коммунисте». Это тот самый «Ваня-коммунист», который после Октября из тихого, скромного буксира превратился в грозный боевой корабль и громил белых под Казанью. Пароход погиб в бою у Малиновского мыса, но, поднятый в дальнейшем со дна, много лет ходил по Волге простым буксиром. В 1942 году «Ваня-коммунист» вновь стал воином, сражался под Сталинградом и, пробитый вражеским снарядом, окончил свое честное служение Родине.

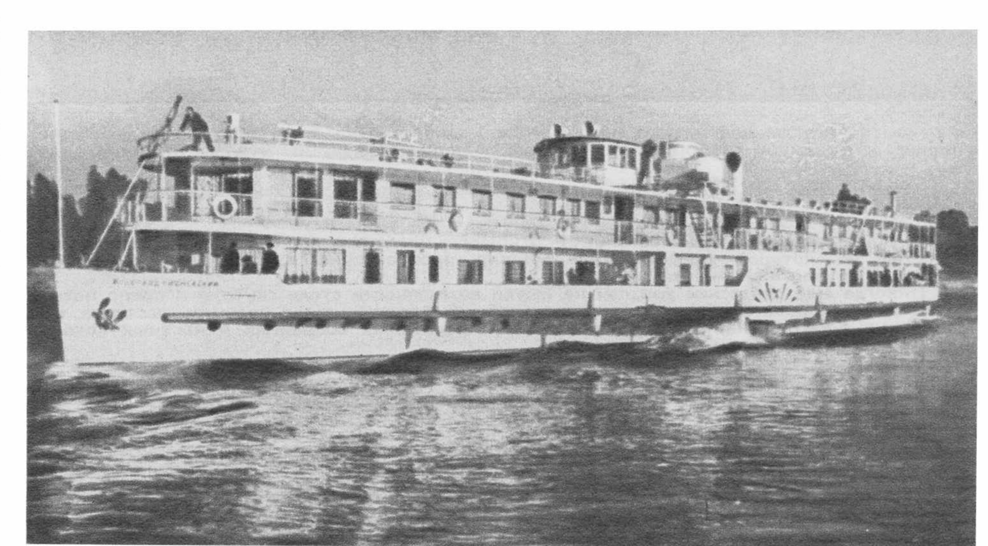
Команда «Всеволода Вишневского» знает об этих боевых эпизодах от своего капитана И. А. Сафронова. Отец его, Андрей Алексеевич, вместе с Вишневским служил на «Ване-коммунисте», и капитан Сафронов помнит рассказы о маленьком бесстрашном флагмане, о легендарном комиссаре Маркине, заместителе командующего флотилией, который погиб вместе со своим пароходом, о молодом и смелом матросе Всеволоде Вишневском. И вот бывший балтиец, участник Отечественной войны И. А. Сафронов был назначен командиром парохода «Всеволод Вишневский».

...Вся команда собралась на палубе. Матросы внимательно слушают доклад о жизни и творчестве писателя, отрывки из его воспоминаний, посвященные славному походу «Вани-коммуниста» против белых. Мелькают знакомые названия: Тихие Горы, Пьяный Бор, Икское устье на Каме. Тридцать пять лет тому назад Всеволод Вишневский на флагмане Волжской флотилии с боями проходил тот путь, по которому теперь спокойно плавает мирный пассажирский пароход, названный его именем. Воскрешается в памяти грозовая атмосфера восемнадцатого года.

«...Выясняли места батарей противника. Наш корабль демонстративно, без выстрела, вышел на плес... В это же время вылетел наш самолет-разведчик. На палубе граммофон играл «Марсельезу», но белые, заметив наш самолет, не открыли огня, чтобы себя не обнаружить».

Чтение воспоминаний окончено. Жена писателя С. К. Вишневецкая передает команде подарки — произведения В. Вишневского и его портрет. Капитан от имени коллектива обещает, что команда всегда будет достойна памяти «Вани-коммуниста» и его матроса — писателя Всеволода Вишневского.

Н. ГОНЧАРЕНКО

Пароход «Всеволод Вишневский».

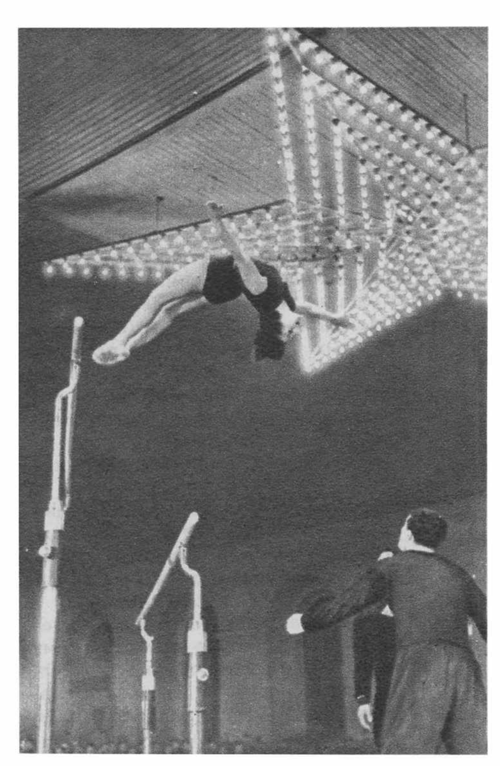

Всеволод Вишневский в бытность его матросом на «Ване-коммунисте».

Победили гимнасты Украины

Вспыхнули яркие прожекторы. Зажужжали камеры аппаратов кинохроники. На длинном помосте, протянувшемся вдоль зимнего стадиона Ленинграда, начинаются соревнования 300 лучших спортсменов, оспаривающих лично-командное первенство страны по спортивной гимнастике. Участвуют коллективы всех шестнадцати союзных республик. Отдельные команды выставили Москва и Ленинград.

Зрителям, до отказа заполнившим просторный манеж, нелегко ориентироваться. Ведь одновременно выходят соревноваться шесть команд. Попробуй-ка сразу уследить, например, за тем, что делается на помосте, если у брусьев абсолютный чемпион Советского Союза В. Муратов (Москва), а под перекладиной В. Чукарин (Украина), абсолютный чемпион XV олимпиады!

М. Гороховская выполняет упражнение на брусьях.

Фото Н. Науменкова.

Соревнования проводились по программе первенства мира, которое будет разыграно осенью будущего года в Риме. Напомним, что только в сентябре 1953 года гимнасты СССР начали готовиться по этой программе, которая коренным образом отличается от олимпийской.

Не только зрители, не только все 75 судей по достоинству оценили высокую культуру гимнастов. Ее отметили и присутствующие на зимнем стадионе видные деятели Международной федерации гимнастики (ФИЖ): господа И. Соммер, вице-президент федерации (Голландия); Ш. Тоэни, генеральный секретарь (Швейцария); Л. Орко (Финляндия); Э. Маурер (Швейцария). В частности, Шарль Тоэни отметил образцовую организацию первенства, предельную объективность советских судей, высокое мастерство гимнастов.

«Десять»! За все дни соревнований эта, обозначенная светящимся пунктиром цифра дважды вспыхивала на судейских щитах. Медея Джугели (Грузия) за опорные прыжки и Виктор Чукарин за упражнение на брусьях были удостоены наивысшей из возможных оценок — 10 баллов.

Отметим, что, хотя в гимнастике нет рекордов, Чукарин оказался здесь своего рода рекордсменом. Покидая помост, он нес в руках целый сверток, в котором было несколько призовых маек и дипломов: олимпийский чемпион трижды выходил победителем (брусья, перекладина и махи на коне). Кроме того он занял третьи места еще по двум видам шестиборья.

В числе других чемпионов страны В. Муратов (вольные упражнения), И. Бердиев (опорные прыжки), А. Азарян (кольца), З. Рулева (вольные упражнения), М. Джугели (кольца и прыжки), Т. Манина (равновесие на бревне), М. Гороховская (брусья).

Обновив команду, главным образом ее женский состав, талантливой молодежью, украинцы сумели с первого же дня опередить сильную команду Москвы.

Приз — бронзовую статуэтку гимнастки — главный судья соревнований вручил команде Украины, занявшей первое место. На втором месте москвичи, шесть лет подряд завоевывавшие первенство. На третьем месте гимнасты Ленинграда.

Е. ДМИТРИЕВ

Ленинград.

В Москве, в Концертном зале имени Чайковского, состоялся торжественный вечер, посвященный германо-советской дружбе. Вечер открыл председатель ВЦСПС Н. М. Шверник. Доклад «Германо-советская дружба» сделал академик Б. А. Введенский. На вечере выступил тепло встреченный присутствующими Чрезвычайный и Полномочный Посол Германской Демократической Республики в СССР Р. Аппельт.

Вечер закончился большим концертом с участием советских и немецких артистов.

На снимке: в президиуме вечера. С докладом выступает академик Б. А. Введенский.

Фото В. Мастюкова (ТАСС).

Последние игры

«Спартак» закончил свои выступления в Болгарии. Москвичи победили софийскую команду «Динамо», выиграли у сборной команды Пловдива и у сборной команды города Сталин. Последнее товарищеское состязание в Софии состоялось в минувшее воскресенье. Против «Спартака» играла команда Центрального Дома Народной армии, неоднократный чемпион страны, многие игроки которой входят в состав сборной страны. Болгарские футболисты выиграли со счетом 1 : 0.

На снимке: момент игры «Спартак» — «Динамо» (София).

Закончились международные игры советских футболистов.

Пять лучших команд выезжали за рубеж.

Коллектив общества «Зенит» (Ленинград) после успешного выступления в Финляндии провел три состязания в Норвегии. В первом из них, в городе Сарпсборге, ленинградские футболисты обыграли местную команду «Спарта» со счетом 2 : 1. В Осло, на стадионе «Бишлет», ленинградцы встретились со сборной командой, составленной из игроков двух клубов: «Шейд» и «Спартакус». Матч прошел при заметном превосходстве советских футболистов и закончился их победой — 6 : 0.

Норвежская печать высоко оценила игру «Зенита». Так, газета «Фрихетен» писала: «Советская команда показала большое превосходство. Для игры советской команды характерны быстрота, подвижность, точность».

Корреспондент норвежского телеграфного бюро пишет: «На зрителей произвели впечатление прекрасное умение русских игроков владеть мячом, их совершенная техника и короткие передачи мяча».

Третью встречу «Зенит» провел в городе Ставангере против клуба «Викинг». И эта игра закончилась внушительной победой ленинградских футболистов. Счет — 5 : 0.

Московские динамовцы выступали в Дании. Это были первые встречи советских и датских футболистов. Матч со сборной командой Копенгагена прошел в упорной борьбе и закончился победой москвичей со счетом 2 : 1. В городах Орхус и Оденсе динамовцы победили со счетом 3 : 0 и 6 : 0.

Неудачно выступали грузинские футболисты в Румынии. Команда «Динамо» (Тбилиси) провела четыре встречи. Две из них проиграла, а две закончила вничью.

Все пять команд, выезжавших за рубеж, вернулись на Родину. В общей сложности они провели за рубежом 27 игр, из них 18 выиграли, 5 свели к ничьей и 4 проиграли.

Здесь делают наглядные пособия

Свежие, румяные яблоки, янтарные груши, налитые соком вишни. Кажется, будто комната напоена ароматом только что собранных фруктов. На полках лежат красные помидоры с туго натянутой тонкой кожицей, клубни картофеля и кормовой свеклы, припудренные высохшей на солнце землей. Но это не дары садов и огородов, а искусно сделанные муляжи из воскообразных масс.

В Москву, на фабрику «Агропособие», поступают заказы из всех сельскохозяйственных учебных заведений страны. Точное сходство макета с оригиналом помогает студентам лучше усваивать учебный материал. По разборным моделям животных легко изучать анатомию. Разбирая ботанические модели, увеличенные в 5—10 раз, можно отделить и рассмотреть пестик, тычинку, разрез завязи цветка.

Осенью прошлого года экспедиция фабрики выезжала в Мичуринск. Около трех месяцев работали участники экспедиции в Центральной генетической лаборатории. Они изучали сорта, выведенные И. В. Мичуриным и его последователями. Сейчас фабрика выпускает мичуринскую коллекцию, наглядно раскрывающую принципы и методы работы великого ученого.

Работа над муляжами и макетами для учебных целей требует острого глазомера и художественного чутья. Надо безупречно точно копировать оригинал, придать макету естественную окраску, точно выдерживать размеры.

Московская фабрика «Агропособие» при некотором расширении производственной площади могла бы выпускать 10—15 миллионов изделий в год. Их ждут на колхозных зоотехнических курсах, в Домах сельскохозяйственной культуры, в школьных кружках юных натуралистов.

В. ЛЕБЕДИНСКАЯ

В муляжном цехе фабрики «Агропособие».

Фото Р. Лихач.

КАРДИНАЛ ОТ УОЛЛ-СТРИТА

Петер МАРК

Рисунок Е. Ведерникова.

В Нью-Йорке, между реками Гудзон и Ист-ривер, в самом центре острова Манхэттен, находится некое учреждение. В учреждении этом ежедневно, как отлично смазанная машина, исполняет функции директора шестидесятипятилетний американец. Он небольшого роста, хорошо упитан, с румянцем во все лицо. Часто его хвалят за отличные ораторские выступления по радио. Литературные труды его имеют хождение в доброй половине государств земного шара. Одну из четырех своих книг, принесших ему за три года 250 тысяч долларов дохода, он продал для экранизации Голливуду. Впрочем, он и сам умеет держаться перед съемочной камерой телевидения. Его статьи можно часто встретить в журналах «Лайф», «Кольерс» и в «Журнале для домохозяек».

Этого человека считают одним из самых влиятельных в американской политической жизни. «Немыслимо представить себе, — писала западногерманская газета «Ди вельт», — чтобы любая из двух больших партий США, выдвигая кандидатуру на какой-нибудь ответственный пост, по крайней мере не испросила предварительно его мнения».

Кто же он, этот человек? Видный деятель литературного мира? Или один из тузов монополистического капитала?

Упомянутая уже газета «Ди вельт» считает, что все это можно было бы предположить, «если бы не одеяние духовного лица, которое он носит».

Итак, кто же он? Этот человек — нью-йоркский архиепископ кардинал Френсис Джозеф Спеллман. О нем кричат крупными заголовками американские газеты. Первый католический епископ, имеющий свидетельство летчика и проделавший 500 тысяч миль за штурвалом самолета! Первый архиепископ, пользующийся диктофоном! Единственное духовное лицо, имевшее беседы с Черчиллем, Эйзенхауэром, де Голлем, Франко, Фаруком, Чан Кай-ши! Один из немногих, кто запросто бывает у папы и даже допущен молиться в его личной капелле!

Короче говоря, кардинал Спеллман — образцовый духовный пастырь для «американского образа жизни». Бедному люду он снисходительно разрешает танцевать «буги-вуги» в церкви, а богатых благословляет с церковного амвона на производство атомного оружия. Памятны слова, произнесенные Спеллманом в микрофон при выходе из самолета: «Выпускайте больше бомб, больше самолетов, больше танков!».

Кардинал Спеллман слывет отчаянным игроком в бейсбол, охотно позирует перед фоторепортерами на боксерском ринге. Короче говоря, Спеллман отлично знает, как можно заработать популярность. А популярность в США — это деньги.

Но откуда раздобыл себе такого кардинала в «американском» стиле ватиканский «святой отец»? Почему папа называет Спеллмана своим ближайшим советником и личным посланцем?

В 1925 году, когда доходы Ватикана неуклонно падали, приехал паломником в Рим никому еще не известный настоятель церкви в Ол-Сэйнтс, небольшом приходе под Бостоном. Паломник прижился при Ватикане. Его назначили помощником кардинала статс-секретаря, ведающего «внешней политикой» Ватикана.

Спеллман был первым американцем, которому доверили такую должность. Он переводил на английский язык послания папы и передавал их для опубликования в печати. То было новшество, до тех пор здесь неизвестное. Постепенно бывший паломник огляделся и стал вносить всякие предложения о «модернизации» церковной жизни. Он же приглашал погостить в Ватикан влиятельных американцев. Он же вел переговоры с Муссолини и лично доставлял папские послания в столицы Европы. Когда 12 февраля 1931 года «святой отец» впервые за всю историю папства выступил перед микрофоном своей новой ватиканской радиостанции, немедленно прозвучал и голос Спеллмана с английским переводом речи папы для Америки.

Пришло время осуществиться самым заветным чаяниям сына торговца овощами. В одном радиоразговоре из Рима с неким американским преподобием Спеллман возгласил на чистейшем бруклинском наречии «Айм гир, Стюе!»[1]. Американские слушатели положительно обалдели от восторга, услышав это выступление слуги господнего на уличном нью-йоркском жаргоне. Лед был сломан! «Американский образ жизни» проник в строгие чертоги ватиканского дворца.

Вскоре Спеллмана, ведавшего в Ватикане делами печати и рекламы, возвели в сан кардинала. Это произошло в 1932 году.

Головокружительную карьеру скромного «слуги божия» из Бостона трудно объяснить, если не упомянуть о кардинале статс-секретаре синьоре Пачелли. Спеллмана связывали с ним давние дружеские узы. Вместе они совершали туристские путешествия по Швейцарии. В один из приездов Пачелли в Соединенные Штаты Спеллман облетал с ним вдоль и поперек весь американский континент. В 1939 году кардинал Пачелли стал папой Пием XII. Он и назначил кардинала Спеллмана архиепископом нью-йоркским. С тех пор все сношения между Ватиканом и внешнеполитическими службами США проходят через 50-ю улицу Нью-Йорка — через кабинет Спеллмана.

Нью-йоркская католическая епархия — самая богатая в Америке. К тому же в ее границах находится Уолл-стрит. А там, где обделывают свои дела крупнейшие бизнесмены Америки, как удержаться от бизнеса и скромным служителям церкви! В наблюдательном совете сверхприбыльной компании «Кока-кола» заседает американский кардинал Френсис Джозеф Спеллман. Бизнес идет нога в ногу с политикой. В прошлом году Спеллман, «верный сторонник» демократической партии, превратился в Спеллмана-республиканца: «Ай лайк Айк!».

Недавно Спеллман обзавелся собственным литератором, и тот написал для него роман о «некоем кардинале». Герой этого сочинения с совершенной очевидностью для его читателей носит черты самого Спеллмана. Спеллман из романа говорит то же, что и Спеллман в жизни: «В Америке можно приблизиться к идеалу».

Идеал той «Америки», о которой говорит Спеллман, — деньги, доллары. Было бы поэтому противоестественно, если бы Уолл-стрит не постарался установить как можно более тесные отношения с римским наместником бога на земле. Как известно, Ватикан — такое же монополистическое коммерческое дело, как и всякое иное. «Святой престол» владеет большими пакетами акций во многих предприятиях, в том числе — международных. Только в Италии капиталы и благословение папы отданы двадцати четырем концернам. 100 миллионов лир вложено в «Сочиета элеттрика Селт-Валдарно», 72 миллиона — в компанию Эдисон-Милан, 40 миллионов — в «Сочиета Адриатика ди элеттрика», 38 — в «Сочиета Идроэлеттрика Пьемонтезе в Турине», 37 — в «Институте Романо Бени Стабили» и т. д.

Канцлер казначейства Ватикана, заключающий от имени папы финансовые сделки с французскими Ротшильдами, заседает в наблюдательных советах многих монополий. В их числе — «Итальянский коммерческий банк», основанный германским Дармштадтским банком, Ротшильдами, австрийскими и швейцарскими капиталистами; один из крупнейших в мире химических концернов, Монтекатини в Милане, тесно связанный с «ИГ Фарбен индустри» и «Ассикурачиони женерали», — страховое общество, имевшее вместе с немецким Ллойдом интересы в Восточной Европе и на Балканах. Впрочем, нет возможности продолжать список капиталистических коммерческих объединений в Италии, Франции, Люксембурге, Бельгии, Швейцарии, Южной Америке, в которых оборачивается, принося солидные доходы, золото Ватикана. Главным связным на линии Вашингтон — Ватикан служит Френсис Джозеф Спеллман.

Всеамериканский кардинал, как о том сообщает находящееся в его архиепископской резиденции рекламное бюро, глубоко за полночь диктует при помощи звукозаписывающего аппарата деловые письма во все концы мира.

Спеллман внес некоторые изменения в географию коммерческих связей папского государства. Он вызволил капиталы его святейшества из-под власти малодоходной Европы и перевел их в Соединенные Штаты Америки, где и поместил со значительно большей выгодой. В этом деле с готовностью пришел на помощь Морган. Но зато Рим должен был принять в качестве посла США при «святом престоле» члена наблюдательных советов моргановских предприятий и бывшего президента моргановской «Стил корпорейшн» Майрона Тэйлора.

Один из директоров Моргана сказал как-то: «Мы с Ватиканом выступаем партнерами в одной и той же игре». Приведенный выше призыв Спеллмана: производить больше бомб, самолетов и танков — недвусмысленный ответ Ватикана на мысль, выраженную моргановским дельцом.

Рука руку моет.

Спеллману, конечно, очень хотелось бы стать преемником нынешнего папы. Как говорят, Пий-Пачелли в принципе не возражает. А что касается Уолл-стрита, то он давно уже сделал выбор.

Кандидат Уолл-стрита на папский престол произнес в Вестминстерском аббатстве в Лондоне проповедь. Он решительно отверг мир, считая эту идею «языческой». Тем самым он дал понять, что жаждет «священной войны». Кардинал Спеллман, у которого в руке молитвенник, а в денежном сейфе акции «Кока-кола», шотландских водочных фирм и нефтяных компаний Ближнего Востока, — этот Спеллман питает дружественные чувства к Франко и свирепую ненависть к Советскому Союзу.

Что будет, когда он станет папой? Можно себе представить, как он с еще бо́льшим усердием будет посылать благословения все новым потокам бомб, самолетов, изготовляемых на заводах Моргана и Дюпонов.

Перевод с немецкого.

[1] Примерно: «Я тут, Степа!»

ЗЕЛЕНЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ПОДМОСКОВЬЕ

Н. ХРАБРОВА

В Подмосковье, среди березовых и дубовых рощ, расположились строения и опытные участки Всесоюзного научно-исследовательского института кормов имени Вильямса.

Почвы здесь малоплодородные — оподзоленные тяжелые суглинки. Осенью шалый ветер вырывается из перелесков на поля, подымает опавшие листья.

На раскорчеванном участке Качалкинской лесной дачи в тридцати километрах от Москвы В. Р. Вильямс сорок лет назад основал опытную луговую станцию. Бесплодные, болотистые земли стали ареной борьбы с «теорией» прогрессивного падения плодородия почвы, за развитие культурного луговодства и травосеяния в России.

В предисловии к книге «Общее земледелие», созданной в Качалкине, В. Р. Вильямс писал:

«Разорваны вековые цепи, и перед свободным русским народом развертывается бесконечная даль самостоятельного развития, самобытной культуры... Не беден русский народ; он попирает ногами несметные богатства своей земли, и нужно только **уметь** и **знать**, как взять этот клад, а работа не страшна».

Работа не страшна! Сотрудники института, которому Советское правительство в 1939 году, после смерти В. Р. Вильямса, присвоило его имя, остались верны этому правилу.

Небольшая луговая станция выросла в крупное научно-исследовательское учреждение, разрабатывающее проблему обеспечения советского животноводства кормами. От паспортизации и изучения сотен миллионов гектаров естественных лугов и пастбищ на просторах СССР до «витаминной пасты» — белково - витаминного концентрата из протоплазмы зеленых растений — таков объем многогранной деятельности института. От Дальнего Востока до западных границ, от субтропиков до Приполярья — такова география поставленных опытов по акклиматизации растений, опытов, в результате которых ученым удалось расширить набор кормовых культур.

В наши дни труд ученых института освещен новым светом. Ведь и к ним относятся такие строки из постановления сентябрьского Пленума ЦК КПСС: «...быстрейший подъем животноводства, и в первую очередь общественного, имеет жизненно важное значение для страны и является ныне самой неотложной задачей партии и государства в сельском хозяйстве». А для подъема животноводства надо создать прочную кормовую базу.

Осенью мы побывали на опытных участках и в лаборатории института — там, где рождаются новые корма для животных.

* * *

На скотном дворе идет электродойка. Ритмично работает мотор, льется в баки парное молоко. В стойлах тепло, тут спокойно дышат 80 упитанных черно-пестрых остфризских и бурых холмогорских коров. В соседних помещениях — корнемойке и корнерезке — для животных готовится «обед»: наиболее питательная часть дневного рациона. А рацион этот обильный: 70—80 килограммов корнеплодов, силоса, картофеля, сена в день!

Питателен, разнообразен рацион. И вот результат: собранное в первый послевоенный год «с бору да с сосенки» стадо стало высокопродуктивным. Раньше коровы давали в среднем около 2 200 литров молока в год. В прошлом же году средний удой превысил 5 тысяч литров, а рекордистки Былинка и Фальшивка дали по 8 тысяч литров молока.

— Почему мы занялись поисками новых видов кормов? Да потому, что чем разнообразнее корм, тем выше удой! — начал свой рассказ директор института М. П. Елсуков. Он привел такой пример: белок, как известно, одна из основных составных частей «пищи», необходимой для питания молочного скота, состоит из 13 аминокислот, которые входят в разные виды кормов. Если всех их не дать коровам, то они не получат полноценного белка. Летом, на пастбищах, этот вопрос решается легче. Зимой же основное «блюдо в меню» — хорошее, питательное сено. Но в сене нет некоторых витаминов. Дополнением к сену служат сочные корма: силос и корнеплоды.

В силосных башнях, ставших неотъемлемой принадлежностью нашей колхозной деревни, всю зиму сохраняется корм.

Мелко нарезанные листья и стебли плотно утрамбовываются в хранилище и покрываются слоем глины или земли. В силосной массе протекают сложные биохимические процессы. При утрамбовке кормов вытесняется воздух. В результате в кислой консервирующей среде сохраняются почти все питательные вещества, корм приобретает приятный запах ржаного хлеба или моченых яблок.

Для силосования обычно используются луговые и болотные травы и сорняки, но лучше сеять специальные силосные культуры. Многие из них растут на опытных делянках института.

Перед нами на высоких стеблях покачивается подсолнечник. Широкие корзинки тяжело клонятся книзу.

Подсолнечник — прекрасное растение для силоса. Он дает много зеленой массы. В его листьях мало влаги и много сухого питательного вещества. На силос годятся стебли, листья и цветущая корзинка. Научный сотрудник института кандидат сельскохозяйственных наук М. Н. Смирнов путем сложной гибридизации и отбора создал новый сорт ветвящегося подсолнечника — «Кормовой ВИК», названный так в честь института,— который хорошо растет и дает зрелые семена в условиях нечерноземной полосы.

А вот и гостья с юга — кукуруза. Она вытянулась здесь, на подмосковных полях, значительно выше человеческого роста. Открываем початок — в нем золотятся крупные, крепкие семена. Ученые не только сумели приучить кукурузу к подмосковному климату, но и заставили вызревать ее семена так же, как в долинах Кавказа и солнечных степях Украины. Теперь в условиях средней России кукуруза становится лучшим растением для силоса. Она продвигается и дальше — в Белоруссию и Прибалтику, на Урал.

...Осень. Ветер шумит на подмосковных полях, срывает последние листья с берез и дубов и налетает на высокие заросли густых тяжелолистых растений, затихая в них. Рядом с оголенными рощами этот участок совсем необычен. Здесь растет кормовая капуста, сочная, матовозеленая, по-летнему свежая. Кормовая капуста — будущая хозяйка северных полей. Она дает до тысячи центнеров зеленой массы с гектара, не боится заморозков, не теряет при замораживании своей питательности. Ее можно убирать в ноябре, когда уборка других кормов закончена, и уже поэтому она очень хороша для северных животноводов. Кроме того капуста дает необычайно много семян: полкилограмма их достаточно для того, чтобы засеять целый гектар, а на следующий год с него уже можно собрать 10 центнеров семян. Этого хватит для обсеменения площади... в 2 тысячи гектаров.

На одном из опытных участков мы видим и земляную грушу, завезенную сюда из Осетии. Осенью она подымается на 2 метра от земли и дает очень много листьев и стеблей. Ботву ее снимают и силосуют, а клубни остаются в земле и хорошо переносят зиму. Поздней осенью и ранней весной, когда зелени уже нет, клубнями кормятся свиньи.

Из горных лесов Северного Кавказа перекочевала в Подмосковье галега. Кандидат сельскохозяйственных наук С. Н. Симонов много километров исходил в горно-лесистых районах Армении, Грузии, Азербайджана, прежде чем нашел ее.

Это многолетнее бобовое растение живет в горах и, следовательно, требует меньше солнца, чем обитатели степи. По содержанию белка оно богаче клевера и люцерны, его корневая система дает в полтора раза больше азота, чем клевер.

И вот галега — в Подмосковье. Первый посев не дал всходов. Всходы второго посева даже через полтора месяца все еще оставались мелкими, слабыми былинками. Наконец галега прижилась в Подмосковье. Теперь она приносит хорошие урожаи — по два

Директор института М. П. Елсуков на участке могара.

Хорошо чувствует себя в Подмосковье и мальва кормовая.

Здесь пышно разрослась и чумиза, перекочевавшая из Китая.

укоса за сезон — и в течение... десяти — пятнадцати лет! Галега ведь — многолетнее растение, его корни благополучно зимуют в земле, и его не нужно сеять каждый год.

Но самые удивительные для этих мест травы можно встретить на опытных участках однолетних. Есть здесь даже представительница Африки — суданская трава. В 1913 году ее завезли в Россию и стали культивировать на юге. После Великой Отечественной войны директор института Михаил Петрович Елсуков и научный сотрудник Лидия Ивановна Громова решили поселить ее под Москвой. Суданка имеет много преимуществ перед другими травами. Она дает много очень питательной зеленой массы с двух укосов и не боится вытаптывания. Сено ее также питательно. Зерном суданки можно кормить птиц и свиней.

Но нелегко было заставить расти и плодоносить африканское растение под московским небом.

— Мы начали с того, что создали изнеженной южанке немыслимые условия: посеяли, например, ее 20 апреля, когда только что сошел снег,— рассказывает Лидия Ивановна Громова.— Посев погиб. Следующую партию семян посеяли 30 апреля, потом 10 мая, 20 мая, 1 июня. Отбирали каждый наиболее жизнеспособный кустик, каждую метелку. Несколько растений выращивали в торфопитательных кубиках. Давали суданке фосфорные и калийные удобрения...

И вот случилось то, что многие ученые считают чудом: питомица Египта и знойного Судана четвертый год дает семена в Подмосковье.

Здесь растет и чумиза — чумицза, как ее называют на родине — в плодородных долинах Китая и Кореи. Под названием гоми и кунака она возделывается на Дальнем Востоке и в Грузии. Большие площади засеваются чумизой на Украине. А теперь вот она акклиматизировалась на суглинистых, легких песчаных и пойменных землях Подмосковья.

Начали изучать здесь ее соотечественницу — пайзу, или пай-цзу. Растет и вызревает на семя южное венгерское просо — могар, раньше вызревавший только в Казахстане, Молдавии, на юге Украины. Ученые института акклиматизировали могар в Московской, Рязанской, Тульской, Ивановской областях. И везде он дает не менее 200 центнеров зеленой массы и не менее 15 центнеров семян с гектара. А семена могара — прекрасный корм для птицы.

Хорошо прижились на подмосковных почвах и другие южане — чина посевная, конские бобы. Идут они на силос и зеленый корм.

В институте ставятся опыты со свеклой, брюквой, турнепсом и другими корнеплодами. Особенно интересна работа над турнепсом шестинедельным. Все его семена погибли во время войны. Кандидату сельскохозяйственных наук Александру Ивановичу Вытчикову удалось в одном из колхозов Орловской области получить всего 3 грамма семян этого турнепса. Растения из них выросли неважные, а корни сгнили в начале зимы. Чтобы улучшить турнепс, пришлось выращивать его на «высоком агрофоне», то есть обильно снабдить удобрениями и влагой. Из следующего урожая отобрали те экземпляры, которые могут сохраняться в зимних условиях. Потом пришлось прибегнуть к скрещиванию с другими сортами. Сейчас институт выращивает высокоурожайный зимостойкий турнепс. Это очень ценный корнеплод, содержащий много витамина «С». Кроме того он является прекрасным молокогонным средством. Главная же его особенность заключается в том, что он вырастает в течение шести недель, отчего и получил свое название. Турнепс может давать урожай за лето два—три раза.

В институте с успехом переделывают и природу бахчевых культур, вкусных и богатых витаминами. Здесь разрабатывается агротехника выращивания кормовой тыквы и кабачков в центральной части нечерноземной зоны: Московской, Ленинградской, Ярославской, Великолукской областях, Прибалтике,— а в Поволжье и Башкирии — кормовых арбузов. Применяя эту агротехнику в колхозе имени Сталина, Луховицкого района, Московской области, собрали тысячу центнеров кормовой тыквы с гектара. И это на бедной, тощей почве!

Поистине несметными богатствами обладает наша земля, и как много в нашей стране умелых рук, берущих от земли ее богатства!

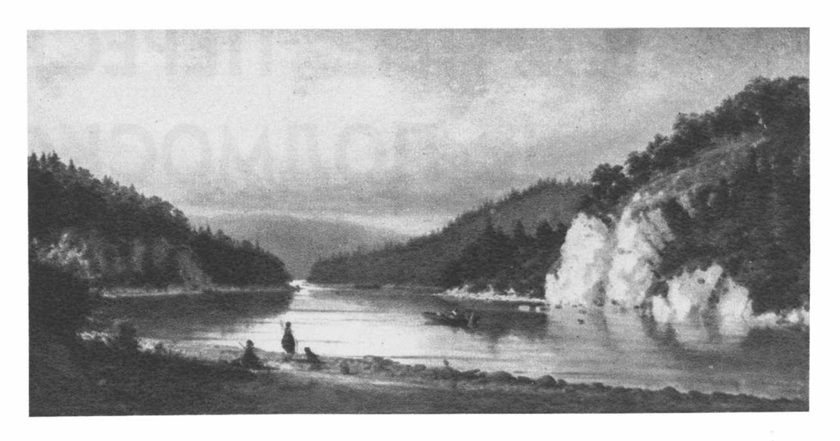

Вот таким огромным, величиной с хорошую дыню, вырос турнепс за шесть недель.

Кормовая капуста — будущая хозяйка северных полей.

Фото Б. Вдовенко.

П. П. Верещагин (1836—1886). Река Чусовая. Камень Мултык.

В залах Молотовской галереи

На Урале, в городе Молотове, на берегу Камы находится Молотовская государственная художественная галерея. Она открылась в 1922 году, в день пятилетия советской власти. Тогда в музее было 140 экспонатов, теперь их более 9 тысяч. Здесь есть произведения западноевропейской живописи, древнерусского искусства, собрание местной деревянной скульптуры. И если сравнительно небольшой советский отдел галереи оставляет желать лучшего, то работы русских дореволюционных мастеров подобраны здесь весьма удачно.

«Лесной пожар» — так называется полотно А. К. Денисова-Уральского, отличного пейзажиста, посвятившего свою жизнь изображению родной природы. Это произведение написано с бесспорным живописным мастерством. Художник-самородок, живописец и камнерез, Денисов-Уральский обладал незаурядным талантом. К сожалению, его творчество мало известно сегодняшнему зрителю.

Уральские пейзажи, главным образом виды реки Чусовой, представлены в музее работами академика живописи Петра Петровича Верещагина, уроженца здешних мест.

Пейзажный раздел галереи располагает превосходными произведениями. Среди них «Весна» А. К. Саврасова, работы И. И. Левитана, Ф. А. Васильева, Н. Н. Дубовского, отличные полотна «Чумацкий обоз» С. И. Светославского и «Купавы на пруду» И. С. Остроухова. Мотив картины «Купавы на пруду» был весьма любим художником, и он возвращался к нему неоднократно.

Посетители галереи останавливаются у небольшой, тщательно выполненной картинки Р. Г. Судковского «Море». Она явно исполнена с натуры, и это непосредственное восприятие натуры мастерски передано автором. Р. Г. Судковского по праву называют продолжателем Айвазовского. Он был выдающимся маринистом, к несчастью, рано умершим — в 35-летнем возрасте.

В Молотовской галерее имеется множество отличных образцов жанровой живописи. «У шлагбаума» Н. А. Касаткина — истинный шедевр. Он стоит в ряду лучших работ художника. Прелестен этюд В. М. Максимова «Девушка у амбара». Картина написана с натуры, в ней много солнца и света. Видно, что Максимов любил и умел работать на воздухе.

«У мирового судьи» К. А. Савицкого, «Уличный разносчик» Н. Д. Дмитриева-Оренбургского, «Наем прислуги» В. Е. Маковского, «Охотники» П. П. Соколова, «У дверей школы» Н. П. Богданова-Бельского — все это живые, правдивые сцены русской жизни.

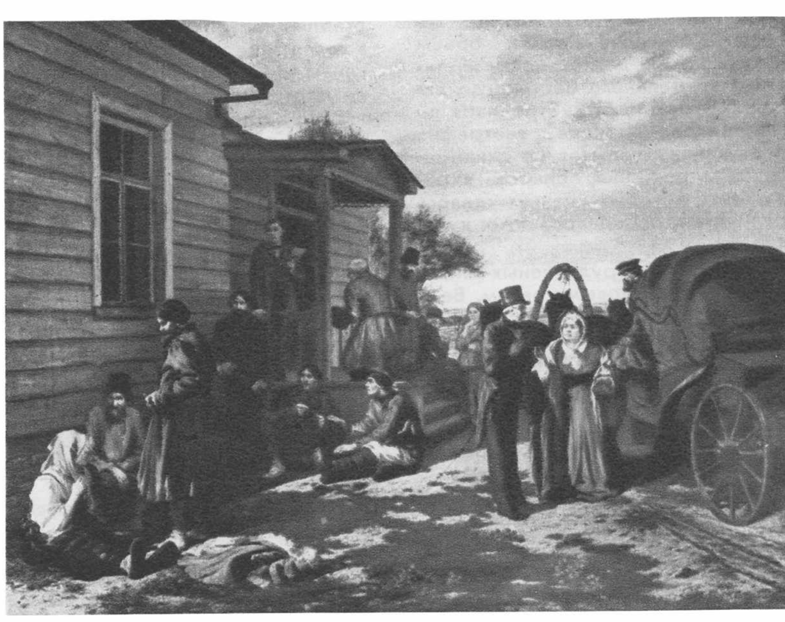
Картина В. Е. Маковского «Наем прислуги» с успехом демонстрировалась на 19-й Передвижной выставке в 1891 году. В ней художник, как и обычно, показал себя тонким психологом, проницательным наблюдателем, знатоком быта. Эта картина поступила сюда из Русского музея.

Среди жанровых произведений следует упомянуть небольшие полотна А. А. Риццони — «Сцена в таверне» и «Овощная лавка». Друг Третьякова, Риццони, итальянец по происхождению, получил художественное образование в России, в Петербургской академии художеств.

Интересна картина «Бедность» Я. П. Турлыгина — жанриста, вышедшего из стен Московского училища живописи, ваяния и зодчества и в лучших своих произведениях примыкавшего к передвижникам.

Много чудесных работ русских художников собрано в Молотовской галерее. Здесь и «Последний привал» В. В. Верещагина — сцена из русско-турецкой войны 1877—1878 годов, и, конечно, нельзя не назвать самобытной картинки В. М. Васнецова «Гусляры», как бы приоткрывающей страницу старого русского быта.

Е. БРАГИН

К. А. Савицкий (1844—1905). У мирового судьи.

Я. П. Турлыгин (1858—1909). *БЕДНОСТЬ*
Молотовская художественная галерея.

В. Е. Маковский (1846—1920). НАЕМ ПРИСЛУГИ. 1891 год.

Молотовская художественная галерея.

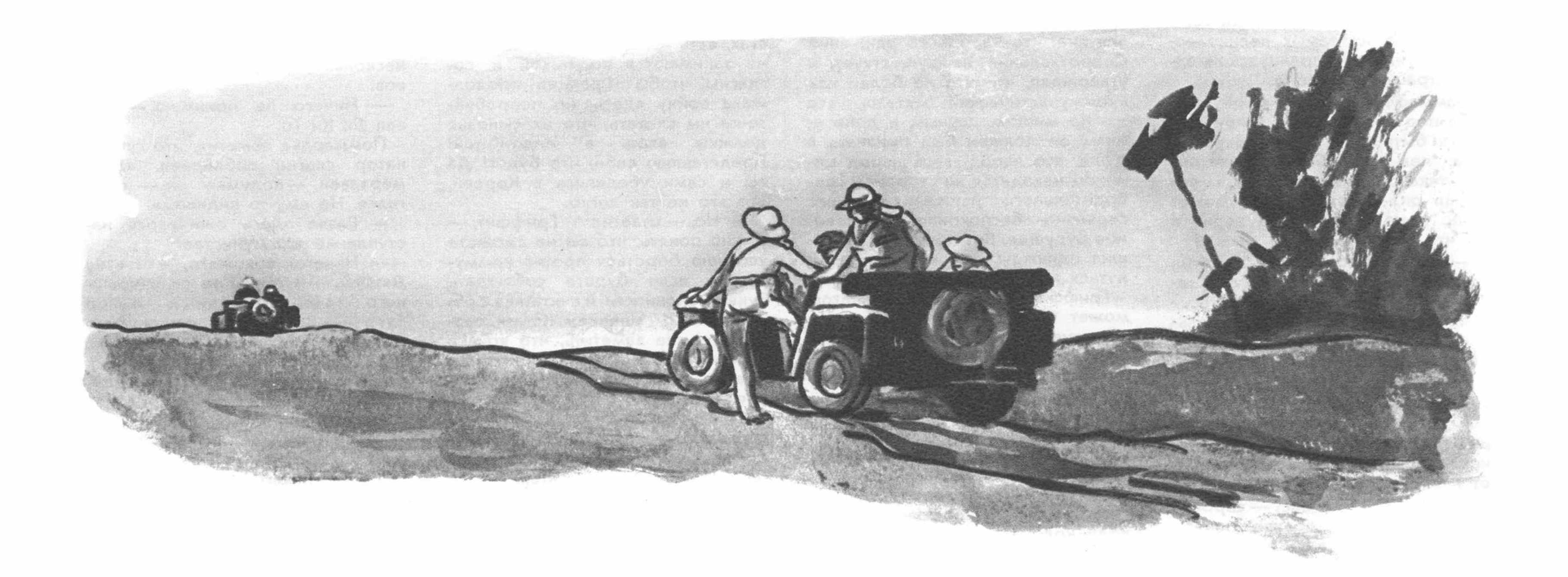
И. С. Остроухов (1867—1929). КУПАВЫ НА ПРУДУ. 1892 год.

Молотовская художественная галерея.

«Огонёк». 1953.

Р. Г. Судковский (1850—1885). МОРЕ. 1883 год.

Молотовская художественная галерея.

ГОСПОДИН ПОММАРДЬЕ

Пьер **КУРТАД**

Рисунки Л. Бродаты.

Новый роман французского прогрессивного писателя и журналиста Пьера Куртада «Черная река» посвящен войне во Вьетнаме. В нем рассказывается о мужественной национально-освободительной борьбе вьетнамского народа, о французских колонизаторах, извлекающих выгоды из «грязной войны», о трагедии французских солдат и офицеров, втянутых в кровавую авантюру. Ниже печатается несколько эпизодов из романа.

Альбер Поммардье без больших колебаний согласился на поездку в Индо-Китай. В нем еще сохранились какие-то остатки чувства профессионального долга. Состоя вот уже два года депутатом совета Французского союза[1], он давно подумывал, что рано или поздно придется для приличия совершить такое путешествие. Вернется же он из Индо-Китая в ореоле очевидца событий, и все конфиденциальные соображения, которые он будет высказывать, сразу приобретут особый вес. Разве во время одного из правительственных кризисов уже не поговаривали мельком о назначении его, Поммардье, министром по делам присоединившихся государств? Кто знает, такой случай может подвернуться и вторично! И тогда скажут: «Поммардье лично побывал там, у него в этом деле солидный опыт».

Соблазняла его и экзотичность поездки. Ему выдали полувоенный, полуштатский костюм и каскетку из сурового полотна, напоминающую головной убор французского резидента в колониях. В первые же дни пребывания во Вьетнаме Поммардье потрясла роскошная жизнь тамошних французов, а также торжественное почтение, с которым встречали малейший его жест. Словом, он почувствовал, что за всю свою карьеру еще никогда не возносился так высоко...

Теперь, мчась в машине по дороге в Мин Кай в сопровождении специальной охраны, американского высшего офицера Гриффита, двух ординарцев и губернатора Ли Ки То, Поммардье с гордостью думал: «Вот чего я достиг за десять последних лет! Не жизнь, а настоящий роман». Сказали бы лет пятнадцать тому назад этому мелкому галантерейщику из провинциального городка Л., что он сможет оказывать влияние — так он, по крайней мере, считал — на решения, касающиеся политики нескольких великих держав в Азии, он в ответ только пожал бы плечами. В те времена его тщеславие не шло дальше чисто местных политических комбинаций. Накануне войны он стал городским советником, и довольно деятельным. Он был радикалом, и правительство Виши не пришлось ему по душе. В 1942 году, когда уже стал явно намечаться поворот в положении на фронтах, Поммардье начал благосклонно относиться к некоторым молодым людям, которые просили его «своим авторитетом» оказать содействие движению Сопротивления. Поммардье на самом деле недолюбливал правительство Виши, а молодые люди к тому же обращались с такими просьбами, которые никак не могли подвергнуть его опасности. Поммардье был из тех, кого приберегали к великому дню освобождения. Вот тогда он явится окруженный таинственной дымкой подпольной борьбы, которую он будто бы вел, и начнет объединять вокруг себя местную знать. Правда, некоторое пассивное мужество он проявил: он даже знал имена нескольких людей, которые, сражаясь против оккупантов, героически погибли. Вот почему ему впоследствии казалось, что и ему самому тоже угрожала смерть...

Вскоре после освобождения между Поммардье и местной знатью произошел молчаливый сговор. Поммардье стал в департаменте символом национального примирения. Но требовалось придать числившейся за ним подпольной деятельности некоторый блеск. Это удалось благодаря тактичному молчанию местных аристократов, которые больше всего были заинтересованы в предании забвению своего собственного прошлого. В остальном Поммардье помогла начавшаяся вскоре антикоммунистическая пропаганда. Он быстро понял, что она-то и послужит его продвижению. Но все же он старался не перегибать палку и сохранить за собой репутацию «либерала».

Мелкие авантюристы провели его в ассамблею Французского союза. Париж приветливо встретил Поммардье. Значок участника Сопротивления помог ему провести несколько операций, которые дали достаточно денег, чтобы он мог раз навсегда расстаться с лавкой в городке Л.

И вот для Поммардье началось нечто головокружительное. Беспрерывные деловые завтраки и дипломатические ужины с большим количеством виски и коньяка окончательно затуманили и до этого не очень ясную голову бывшего галантерейщика. Он упивался этой жизнью и в то же время с грустью убеждался, что быстро стареет и дряхлеет. Он отяжелел, лицо его приобрело землистый оттенок. У него появилось циничное отношение к жизни, и он убедил себя, что, высказывая о людях и событиях самые пессимистические суждения, он всегда хоть наполовину, да будет прав.

Тем, кто обсуждал с ним положение в колониях Франции, Поммардье иронически говорил: «Дорогой мой, смотрите трезво на вещи. Неграм и желтым осточертели и вы и я...» «Но что вы этим хотите сказать?» «Я хочу сказать, что рано или поздно нам придется убраться из колоний...»

Сказав это, он немедленно развивал совершенно противоположную точку зрения, сваливая на коммунистов ответственность за войну, которую он, как и все, называл «грязной», хотя, правда, только среди близких. Это двоедушие отнюдь не вредило ему: оно помогало продвигаться вверх...

И вот сейчас, сидя в машине, он наслаждался экзотической поездкой. Ничто здесь не напоминало о войне. В Мин Кае гостей ждал хороший обед. Еще вчера туда был послан майор Буврей.

Фронт, если вообще можно было говорить о фронте, находился достаточно близко, чтобы придать некоторую остроту этой утренней прогулке, и достаточно далеко, чтобы она не оказалась рискованной. Поммардье был в общем не прочь столкнуться с некоторыми трудностями в пути. Он вспомнил фотографию, на которой был запечатлен его коллега Наварен в тот момент, когда он храбро, с палкой в руке, пересекал бурный горный поток и вода ему доходила до колен. Этот снимок был напечатан во французской прессе и даже попал в американские газеты...

— До самого Мин Кая такая дорога? — спросил Поммардье.

[1] Вторая палата французского парламента (примечание переводчика).

— Почти,— ответил Ли Ки То.— Это — одно из самых великолепных достижений французской администрации в районе.

Поммардье что-то пробурчал себе под нос. С Ли Ки То он старался быть еще более сдержанным, чем с любым парижским политиканом. «А впрочем, — подумал он, — этот субъект, может быть, и на самом деле верит в то, что говорит».

— Дорога хорошая, — заметил Гриффит, — но, по-моему, она недостаточно широка. Чувствуется колониальный подход... В дальнейшем вам придется строить с бо́льшим размахом...

Ли Ки То изобразил на лице улыбку:

— В дальнейшем! В дальнейшем мы многое сделаем. Но это, надо сказать, не совсем зависит от нас. Не совсем.

— Почему не от вас? — спросил американец. — Вы должны понять, что именно от вас и зависит. И только от вас. Вы знаете поговорку: «На бога надейся, а сам не плошай»?..

Гриффит уже несколько недель вел довольно увлекательную игру в прятки с местным губернатором. До сих пор Ли Ки То считался абсолютно преданным французам. Его предки, богатые мандарины, занимали крупные посты при дворе императора Гуэ. Отец его был тесно связан с отцом Бао Дая. В 1945 году, когда была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам, Ли Ки То, не колеблясь, предложил свои услуги новому правительству. Затем (также естественно) он пошел на службу к Бао Даю. Ли Ки То стремился прежде всего к душевному спокойствию. Поэтому он довольно часто употреблял некоторые выражения и слова, которые помогали ему маскироваться. Он любил поговорить о «вьетнамской родине», о «независимости», о «национальной чести», о «сопротивлении» и о партизанах. Эта уловка позволяла ему забыть, что именно на него была возложена обязанность расстреливать партизан. Он, разумеется, слишком хорошо знал своих французских покровителей, чтобы не замечать серьезных недостатков их колониальной системы. Хотя он и делал вид, что народного движения Сопротивления не существует, и утверждал, что это не более как «коммунистический мятеж», все же по многим данным и донесениям он должен был признать в душе, что народ, весь народ целиком находится на стороне освободительного движения, и его серьезно беспокоило собственное будущее. Вот почему он и решил однажды, что пора перекинуться к американцам.

Гриффит понял, что губернатор может быть полезен, и стал его обхаживать. Он повсюду превозносил Ли Ки То как либерального и просвещенного человека. «Жаль, что у Бао Дая не нашлось сотни подобных людей», — говорил он.

Накануне в Ханое во время ужина Поммардье вдруг понял, что американец и Ли Ки То готовы пойти на сговор против него... Замечание Гриффита по поводу колониальных дорог породило сейчас в нем желание перейти в наступление.

— Франции везет, — сказал он. — Никак не скажешь, что она предоставлена сама себе. Никогда еще нам не давали столько советов, как теперь. Советы — дело хорошее. Однако следует помнить, что всю тяжесть здесь несем на своих плечах мы. Если нас побьют, будет уже поздно строить улучшенные дороги...

— У нас все прекрасно понимают это, — ответил Гриффит, — и лично я всегда старался изобразить положение именно так, как оно есть на самом деле. Но, понимаете, надо смотреть прямо в лицо фактам. Вы вечно плачетесь, что у вас здесь не хватает людей, а в это время в казармах Франции сто тысяч молодых людей зря теряют время...

— Это другой вопрос, — сказал Поммардье. — Вы же знаете, что, по крайней мере в данный момент, отправлять сюда призывников очень трудно. Конечно, мы об этом подумывали. И сейчас подумываем, но, как вы сами сказали, надо смотреть на вещи трезво, а общественное мнение против посылки сюда солдат. Оно категорически восстает...

— Вы боитесь коммунистов? — спросил Гриффит.

— Дело не только в коммунистах, есть немало людей, которые не занимаются политикой и согласны, чтобы Франция продолжала войну здесь, но попробуйте-ка им сказать, что их сыновья должны ехать в Индо-Китай! Представляю себе, что будет! Да вы и сами убедились с Кореей, что это не так легко.

— Но, — ответил Гриффит, — нужно понять, что вы не сможете успешно бороться против коммунизма, если будете соблюдать букву законности и считаться с общественным мнением. Кстати, разрешите мне заметить, что войска в Корее состоят не из добровольцев, а из людей, отбывающих военную службу.

— Я думаю, что дело не в солдатах, — сказал Поммардье. — Дайте нам триста или четыреста самолетов, и вы увидите... Через год у нас будет вьетнамская армия в сто тысяч человек, и положение сразу изменится. А что я могу сказать в парламенте? Может быть, вы хотите, чтобы я поднялся на трибуну и потребовал посылки сюда молодых людей моего департамента? Мы же республика, мой дорогой! Это может вам показаться пустяком, но это факт, и я боюсь, что вы не до конца понимаете его значение. Все время приходится находить разные объяснения и часто привирать, но, во всяком случае, мы обязаны что-то говорить людям...

— Помогите нам создать собственную армию, — вмешался Ли Ки То. — И тогда все переменится. Вы увидите, на что способны вьетнамские патриоты и как силен в них дух сопротивления...

— Сопротивление! О чем вы толкуете? — прервал его Поммардье. — Сопротивление-то как раз направлено против нас. Оно существует, но оно против нас. Неприятный факт, но ничего не поделаешь... Но постойте-ка, там, кажется, что-то случилось?

«Джип», ехавший впереди, остановился, из него вышел офицер Дюшен.

— Впереди идет стрельба, — сказал он, подойдя к Поммардье. — Где-то в районе Черной реки.

— Не может быть! — воскликнул Поммардье.

До них донесся глухой грохот, похожий на раскаты грома, потом несколько разрозненных взрывов.

— Ничего не понимаю, — сказал Ли Ки То.

Поммардье заметил, что губернатор слегка побледнел. «Этот мерзавец, — подумал он, — испугался. Но ему-то виднее...»

— Разве здесь ожидалось наступление коммунистов?

— Ничего похожего, — ответил Дюшен. — В Мин Кае со вчерашнего вечера находится майор Буврей. Все было совершенно спокойно. Никакого движения в этом районе не было отмечено. Связь с Мин Каем все время действовала. Вчера туда проехала машина с майором...

— Ну, так как же мы поступим? — спросил Гриффит. — Стоит ли продолжать путь? Сколько осталось до Мин Кая?

— Десять километров, — ответил Дюшен. — Но через пять или шесть километров дорога будет похуже, и частично она проходит лесом. Однажды мы там потеряли машину.

— Ну, что же нам делать? — спросил, в свою очередь, Поммардье.

Он ясно представил себе, как они нарываются на засаду. В памяти всплыли леденящие душу подробности, вычитанные из газетных статей. Если даже его не убьют, ему предстоит длительный, изнуряющий переход по джунглям. Его, пленного, будут избивать палками. В его воображении встало страшное, зверское лицо политического комиссара. Поммардье уже мысленно стал в позу оправдывающегося на допросе: «Я же всегда был сторонником мирных переговоров! Я неоднократно выступал с этими предложениями. Надо договориться. Договориться с Хо Ши Мином, конечно. Я всегда относился с глубоким уважением к вашему президенту...»

Поммардье судорожно старался отогнать одно воспоминание — о Кхои, молодом вьетнамском интеллигенте, которого он потребовал выслать из Франции. Кхои привезли в Индо-Китай и сдали полиции в Ханое. Его пытали. Рассказывали, что он сошел с

ума. Стало известно, что он, Поммардье, был замешан в этой истории. Лига защиты прав человека выразила протест. Черт бы побрал всю эту историю!

Поммардье только теперь осознал, что здесь идет война. Внезапно и только сейчас он понял, что в здешних лесах находятся люди, тысячи людей, готовых умереть и убивать. В Париже говорили: «Мы ежегодно теряем целый выпуск офицерской школы». Это не просто слова... За ними люди, живые люди, каждый со своей жизнью, люди, которые внезапно переставали существовать. Исчезали навсегда. Так, возможно, исчезнет сейчас и он, Поммардье. Исчезнет навеки. И будут говорить: «Поммардье убит во время служебной поездки в Индо-Китай». На его депутатское кресло положат трехцветный флаг. «Наш коллега заплатил жизнью за свою страсть к истине, за желание познакомиться лично с тем, что происходит, — словом, гостода, за свой глубокий гуманизм...» А через неделю его забудут...

— Так что же делать? — спросил он снова.

Поммардье увидел, как дрожит сигарета во рту у Ли Ки То. «Да, этому не поздоровится, если его схватят», — подумал он.

— Господа, — сказал Дюшен, — мы можем продолжать путь на ваш страх и риск. Но раз в Мин Кае неблагополучно, я не представляю себе, на что мы там нужны. В этом секторе всегда было спокойно. Все это совершенно неожиданно...

— По правде говоря, мне кажется, что следовало бы вернуться в Лак Вьен, — предложил Ли Ки То. — Мы сможем остановиться у мэра и там решим, как быть дальше. Во всяком случае, из Лак Вьена мы свяжемся с Ханоем и узнаем точно, что происходит.

— Неплохая мысль, — поддержал Гриффит. — Да и вообще все, что мы увидели, уже достаточно интересно, правда? Теперь мы знаем истинное положение вещей и можем сказать без всякого преувеличения, что находимся в самом центре событий...

Тяжелый, сырой воздух, в котором растворился утренний туман, превратился в плотную серую вату. Моросил дождь, но вода, казалось, проступает отовсюду: из земли, с размякшей дороги, с блестящей поверхности листвы деревьев и лиан. Лес словно покрылся тяжелым, мокрым одеялом.

— Этот дождь надолго, — заметил Ли Ки То.

Он дрожал, но в то же время на его выпуклом гладком лбу выступали крупные капли пота. Он силился улыбнуться, но губы его не слушались.

Благодаря дождю гул орудий стал слышнее.

— Послушайте, — сказал Поммардье. — Это пахнет чем-то серьезным, а?

Он впервые в жизни услышал артиллерийскую стрельбу. В нем проснулось детское желание спрятаться в юбке матери. Все годы его жизни, особенно последние годы, показались ему такими никчемными, далекими, лишенными смысла.

Они повернули обратно...

* * *

В Лак Вьене мэр Та Ван Лам предложил добавить людей в их конвой с тем, чтобы они могли благополучно вернуться в Ханой.

Поммардье с любопытством рассматривал мэра и старался себе представить ту таинственную и роскошную жизнь, которую этот человек ведет в своем каменном доме. Поммардье хотел было отказаться от виски, но, увидев, что Ли Ки То и все остальные приняли угощение мэра, взял свой стакан и выпил до дна. Потом второй. Затем третий. Гриффит спросил Та Ван Лама о положении в районе.

— Никогда еще не было так спокойно, как сейчас, — ответил мэр. — Я говорю, конечно, о гражданском населении. Правда, был момент, когда казалось, что население неискренне относится к правительству его величества, но теперь все стремятся к сотрудничеству и полны энтузиазма.

Гриффит спросил еще, как был бы принят проект о массовом наборе в армию.

Мэр ответил, что юноши только этого и ждут.

— К сожалению, — добавил он, — наблюдается некоторый эгоизм в наших высших кругах, хотя, казалось бы, они должны быть больше всего заинтересованы в победоносном окончании войны. Многие сыновья наших почетных граждан стараются уклониться от военных обязанностей.

— Да, к сожалению, это — довольно частое явление, — согласился Ли Ки То.

Его все поддержали. Было известно, что оба сына губернатора служат офицерами, но сам он старался об этом не говорить, опасаясь, что настанет день, когда им придется покинуть свои безопасные гарнизоны в Далате и Сайгоне, чтобы подать пример другим.

Поммардье с восторгом прислушивался к разговору. «Вот, — думал он, — истинная картина положения в стране! В конце концов, здесь я узнаю больше, чем узнал бы, попав в тот укрепленный пункт, куда мы хотели ехать. Какое имели бы значение все укрепленные пункты, если бы народ не был на нашей стороне!»

— Словом, — сказал он, — можно считать, что за редким исключением население с нами?

— Но все же, — проговорил Ли Ки То, — не будем обольщаться. Надо все время быть начеку...

Доносившийся до них артиллерийский гул превратился в беспрерывный грохот; казалось, что тяжелые телеги катятся по мостовой.

— Да, пахнет чем-то серьезным, — заметил Дюшен. — Но все же странно, что они наступают именно в этом направлении. Откуда они взялись? Со стороны Черной реки? Но тогда они пробрались незамеченными...

— Здесь ничего не замечают, — сказал Гриффит. — В Азии, поверьте мне, никогда ничего не замечают. Возьмите карту и немножко задумайтесь: на кой черт в Хоа Бине торчит целый экспедиционный корпус? Его или слишком много или слишком мало. Вам надо было либо идти вперед либо совсем уйти. А так как вы не продвинулись, значит...

— Это ваше... личное мнение? — спросил Поммардье.

В нем снова поднялось такое же раздражение, что и тогда, на дороге, когда американец обхаживал Ли Ки То.

— Знаете, — ответил Гриффит, — мы не генеральный штаб, вы меня великолепно понимаете! Мы приехали сюда в качестве... как бы сказать... в качестве друзей. Я и высказываю свое мнение по-дружески...

— Понятно, — ответил Поммардье, — понятно... Но ваш генерал Коллинз... Он тоже придерживается такой точки зрения?

— Весьма вероятно.

— Другими словами, ваш дружеский совет — эвакуировать Хоа Бинь?

— Ничего подобного я не говорил, — возразил Гриффит. — Я просто думаю, и я в этом не одинок, что надо реально смотреть на вещи.

— Без всякого сомнения, — согласился Поммардье. — Надо реально относиться к происходящему. Но все же, не будучи военным, я нахожу ваше предложение довольно необычным. А что же тогда будет с укрепленными пунктами? С укрепленными пунктами вдоль Черной реки? Что же делать со всеми гарнизонами, защищающими Хоа Бинь?

— А что с ними делать? Ничего, — ответил Гриффит, и его обычно добродушное и самодовольное лицо внезапно стало жестоким. — Какое мне дело до укрепленных пунктов?! Предполагаю, что французский генеральный штаб умеет выводить части из боя! А что, по-вашему, лучше: катастрофа в Хоа Бине или потеря нескольких разбросанных гарнизонов, которые как-нибудь спасутся собственными силами? А даже если они и не спасутся? В конце концов, это имеет второстепенное значение! Если вы бросите всю вашу авиацию на защиту этих пунктов, то чем вы будете защищать дорогу на Ханой? В общем, всегда одна и та же история! Это напоминает игру в «третьего лишнего»: игроков всегда меньше, чем стульев, и один стул остается пустым...

— Вы говорите очень страшные вещи. Представляете, какое впечатление ваши слова произвели бы во Франции?

— Послушайте, дорогой Поммардье!.. Послушайте...

Гриффит сильно побледнел. Его красивое лицо, словно созданное для рекламы бритвенной пасты, здоровое лицо уравновешенного, счастливого человека, лицо гражданина счастливой страны, человека, который желает счастья всем, стало внезапно твердокаменным. Поммардье вспомнил офицера-эсэсовца, который встретился ему в августе 1940 года на улице Клермон Феррана. У того офицера лицо было бледное и холодное, как у бога войны. Он шел нагруженный коробками шоколадных конфет, перевязанными голубыми ленточками...

— Послушайте, господин Поммардье, — продолжал Гриффит, — что касается общественного мнения, то, в общем, знаете?.. Общественное мнение — это коммунисты! Да! И, в конце концов, кто командует французской армией? Если будет решено эвакуировать Хоа Бинь или провести другую операцию в этом роде, то ведь приказ будет подписан не генералом Коллинзом, не правда ли? Все это может нравиться или не нравиться, но один факт бесспорен: без нашей помощи вы бы не протянули и трех месяцев. Вы это великолепно знаете. Разве не так? Да это же всем известно, ваши же газеты об этом пишут!

— Я вам тоже высказал свое личное, дружеское мнение, — поспешно сказал Поммардье.

Он заметил, что Ли Ки То смотрит на него иронически. Внутренний голос, услужливый внутренний голос, который всегда спасал Поммардье в тех случаях, когда в нем неожиданно просыпалась совесть, снова поставил все на свое место, сказав ему: «А, плюнь и не противоречь!» В этом-то повиновении внутреннему голосу и был секрет продвижения Поммардье.

По телефону из Ханоя им посоветовали как можно скорее вернуться. А так как Та Ван Лам не уговаривал их остаться обедать, то в полдень они выехали в Ханой.

— Мэр мне понравился, — сказал Поммардье, сидя в машине, — но мне кажется, что мы ему несколько надоели.

Ли Ки То улыбнулся:

— Вы не правы. Просто в нашем представлении вежливость — это значит никогда ни на чем не настаивать.

— Да? Любопытная у вас цивилизация! — воскликнул Поммардье.

* * *

«В честь господина Поммардье, члена совета Французского союза...»

Поммардье посмотрел на часы. Ровно двенадцать. Может быть, здесь не принято приходить вовремя? Может быть, здесь считают хорошим тоном опаздывать? Да, но ведь после завтрака предстоит еще посещение госпиталя... Дюшен, офицер, который сопровождал его во время неудачной поездки в Мин Кай, должен был зайти за ним в холл «Метрополя» и отвезти его к Савелям.

Поммардье было сказано: «Мадам Савель здесь делает погоду». «А сам Савель?» В ответ ему подмигнули. О Савеле рассказывали туманные и старые истории. Когда-то Савель славился своей предприимчивостью. Например, он скупал ничего не стоящие земли в горах, и никто не мог понять зачем. А потом, в один прекрасный день, он начинал строить небольшие плотины, в результате чего на всех рисовых полях равнины полностью исчезала вода. Цены на поля падали. Савель с готовностью предлагал крестьянам, попавшим в беду, деньги взаймы... И за несколько лет этот филантроп превратился в одного из крупнейших землевладельцев района. Как только рисовые поля попадали к нему в руки, вода, как по волшебству, возвращалась. И он имел право сказать: «Я застал район в упадке и сделал его процветающим».

Крестьяне работали батраками на землях, которые раньше принадлежали им. Но — увы! — сейчас рисовые поля Савеля находились в зоне, занятой войсками Хо Ши Мина, всего в нескольких километрах от линии фронта. Время от времени в конце какого-нибудь завтрака или ужина Савель брал майора Бuврея под руку и говорил: «Ну, старина, когда же наконец начнется наступление? На Ф., Т.? Я хлопочу не за себя, но вы же понимаете, это в общих интересах! Разве я не прав?» Бuврей выставлял стратегические доводы и пробовал отвертеться от прямого ответа. Он-

то, конечно, понимал нетерпение Савеля. «Дорогой мой, вы только подумайте, если бы начали проводить военные операции только для того, чтобы вызволить плантации такого-то или поместье другого, этому ведь конца не было бы».

«Если не считать этого пунктика, то, как вы убедитесь, Савель — неплохой парень», — сказал както Буврей Поммардье.

Майор Буврей тоже должен был присутствовать на завтраке в «Метрополе». И сегодня, когда стало известно об исчезновении Буврея и о падении Мин Кая, госпожа Савель подумала было отменить завтрак, но в конце концов решила: «На войне, как на войне». Так и сказал Савель, когда позвонил Поммардье по телефону.

— Дорогой мой, — добавил он, — можно считать, что вы дешево отделались... Теперь вы имеете право гордиться: вы побывали в самой гуще событий.

Поммардье заказал вторую рюмку аперитива.

История с поездкой в Мин Кай открылась внезапно перед ним в новом свете. Вначале, после возвращения в Ханой, он побаивался, что столь поспешное отступление вызовет толки и пересуды и его не спасет даже то, что он член парламента. Вот почему он в душе обрадовался и падению Мин Кая и исчезновению Буврея. Теперь, как правильно сказал по телефону Савель, он имеет право гордиться. Да, он, Поммардье, побывал в самой гуще событий!

Поммардье поглядывал с некоторым снисхождением на снующих между столиками офицеров со стеками в руках — так фронтовик глядит на окопавшихся в тылу.

При появлении Дюшена Поммардье хотел было спуститься с высокого табурета у стойки, но Дюшен остановил его:

— У нас еще есть время... Савели живут здесь же, на третьем этаже. В этой же гостинице жил и Буврей... — добавил Дюшен, и лицо его приняло печальное выражение.

— Есть какие-нибудь новые сведения? — спросил Поммардье.

Он искренне интересовался судьбой майора. Буврей был его передовым отрядом. Он проследовал в эти страшные джунгли впереди его, Поммардье, колонны. Он был человеком, чья трагическая участь озарит поездку Поммардье в Индо-Китай лучами славы.

— Ничего нового, — ответил Дюшен. — Он был там, когда пал Мин Кай. Есть надежда, что он попал в плен. Но, как вы знаете, в этом тоже нет ничего хорошего...

— Ну и дела! — вздохнул Поммардье. — Да. А вообще-то, между нами, Буврей не очень хорошо был подготовлен к подобному обороту событий. Подумать только: ведь сегодня он должен был с нами завтракать!..

— Да, подумать только!.. А что с лейтенантом, который командовал в Мин Кае?

Лицо Дюшена омрачилось:

— Радио Хо Ши Мина объявило, что он тяжело ранен и взят в плен. Они предлагают, чтобы мы прислали за ним санитарный самолет.

— А это возможно?

— Технически вполне. Это уже практиковалось. Технически возможно, но есть препятствия почище лесов и красных.

— Какие же?

— Бумажная волокита, дорогой мой. Вы не можете себе представить! Целые доты из бумаг, настоящая линия «Зигфрид». А кроме того, по-честному говоря, подобные вещи льют воду на мельницу красных. Это бесспорно.

Поммардье покачал головой. Его клонило ко сну.

— Выпьете что-нибудь? — пробормотал он.

— Спасибо, — отказался Дюшен, — кажется, можно идти. Кстати, как вы думаете, это поражение на Черной реке наделает шума в Париже?

— Пустяки, — сказал Поммардье.

Он снова чувствовал себя в своей тарелке.

— Неужели вы думаете, что парижане смотрят на карту? По правде говоря, им на все глубоко наплевать. Впрочем, бывают случаи, когда полезно, чтобы люди плевали. Да и к тому же ведь Хоа Бинь в наших руках? А это — главное. Все дело в том, как будет составлено коммюнике, правда? Что мы сообщаем в сводке?

— Как обычно. Противник понес тяжелые потери. С французской стороны двое убитых и трое пропавших без вести. Эвакуация Мин Кая входила в план нашей операции, которая помешала осуществлению замысла противника.

Поммардье почувствовал прилив симпатии к Дюшену. «Этот, по крайней мере, ничего не усложняет...»

— Вы хоть ничего не усложняете... — сказал он вслух.

— Я делаю то, что следует, и не мучаю себя вопросами. Как есть, так и есть. А если начать раздумывать, то и конца не будет. Кроме того через два месяца — фюить... Париж!.. Да, имейте в виду, что на завтраке будет некий Шеврие. Вам лучше быть в курсе. Понимаете, мадам Савель и Шеврие... И произошло это не так давно...

— Да? — сказал Поммардье, польщенный тем, что ему сообщили тайну, известную, по крайней мере, сотне людей в Ханое.— Ну, а этот субъект, Шеврие, что из себя представляет?

— Тоже рисовые поля, только способ другой. Тактика окружения...

— То есть?

— Да, да, тактика окружения. Он скупал все рисовые поля, окаймлявшие какую-нибудь равнину, и платил дорого, даже дороже настоящей стоимости. А потом запрещал проезд через свои поля. Совершенно законно... И таким образом все рисовые поля, находившиеся внутри, были отрезаны, окружены, вот в чем фокус... Понимаете? Крестьяне плакали, причитали, а потом сдавались и уступали свои земли Шеврие за горсть риса. Я вам говорю: настоящее окружение! Шеврие — не человек, а моторизованная дивизия.

— Остроумно, — заметил Поммардье. — Очень остроумно придумано. Но, между нами, способ не очень-то...

— Не спорю. Но вы здесь встретите очень мало людей, которые не поступали бы точно так же или в этом роде. Идеалы — это прекрасно, но здесь с ними быстро расстаются...

Поммардье взял Дюшена под руку.

— Дорогой мой, иногда я задаю себе вопрос: мы-то с вами здесь при чем, такие люди, как мы с вами, а? В общем, мы здесь лишние...

Дюшен скорчил веселую гримасу.

— Я вам высказал свою точку зрения. Я ничего не углубляю. Это ни к чему.

* * *

В дверях гостиной Поммардье и Дюшена встретила Элизабет Савель. Она беспрерывно щебетала и порхала, создавая беспорядочную суетню. Поммардье немедленно налили рюмку мартини, и он был вынужден, стоя посреди комнаты, слушать светскую болтовню хозяйки дома. Ли Ки То, Савель и Дюшен наблюдали за Элизабет с видом знатоков. Слова мелькали вокруг Поммардье, словно конфетти на солнце.

— Как, вы не знакомы с Бернарами? Надо обязательно... А с Карьерами? Тоже нет? Но это же безумие! Что же вы ему показали в Ханое? Если мы сами не займемся нашим другом, он вернется во Францию, ничего не повидав...

— Мадам, — возразил Поммардье, — не будем преувеличивать, я все же побывал в джунглях...

— Вы видели войну в джунглях, — уточнил Ли Ки То со сладчайшей улыбкой.

— Да, да, я и забыла! Мне муж говорил. Поразительная история! Вы нам расскажете все подробно... Подумать только, бедный Буврей...

Лицо Поммардье приняло скорбное выражение. Он считал, что этого требует его положение.

— Бедный Буврей и бедные все, кто защищал Мин Кай, мадам. Мне сообщили, что лейтенант, командовавший пунктом, ранен и взят в плен.

— Кто же это? — всколыхнулась Элизабет Савель.

— Лейтенант Ларийер, — ответил Дюшен.

— Ларийер? Подумать только! Я видела его раза два. У него была такая черная борода вокруг лица, да? Как у миссионера...

Элизабет тоже попыталась придать своему лицу сосредоточенное выражение печали, но равнодушный взгляд выдавал ее с головой. Пока она вела ничего не значащий светский разговор, ее хорошенькое, хотя и банальное личико еще скрывало внутреннюю пустоту. Но стоило ей натолкнуться на что-либо серьезное, как широко расставленные серые глаза, прозрачная кожа и густые каштановые кудри, рассыпавшиеся по плечам, переставали служить ширмой. Оставались только грациозность да выписанный из Парижа черный костюм.

— Да, нам не хватает миссионеров, — сказал Савель. — Именно такие люди, как Ларийер, и создали здесь все... Словом, короче говоря, вы сами понимаете, что я хочу сказать. Они и мы...

— Но, господа, вы же умираете с голоду, — прервала Элизабет. — Кроме того нам с господином Поммардье предстоит еще отправиться в госпиталь...

Элизабет Савель занималась больными солдатами из экспедиционного корпуса, она изредка навещала их в госпитале, одаривая тысячами улыбок и благоуханием. Кроме того раза два в год она буквально разбивалась в лепешку, устраивая благотворительные базары в пользу «своих» больных. Теперь ей пришло в голову показать госпиталь Поммардье.

После закусок и рыбного блюда, съеденных под аккомпанемент банальных слов, пустословия в парижском стиле и сплошных «Да не может быть!..» и «Нет, это поразительно!..», разговор наконец перешел на злободневные темы.

— После того, как мы взяли Хоа Бинь, — говорил Савель, — никто не мог предположить новой вспышки у красных... Но ведь это происходит не впервые. Который раз мы объявляем о том,

что они прикончены, а они снова начинают наступление! Нет, надо решиться и взглянуть событиям в глаза, иначе ничего путного не получится.

— Все это очень хорошо, — ответил Поммардье. — Но что же вы предлагаете? Мы выжали из себя максимум и ничего больше не можем. Это известно всем. Я уже говорил об этом Гриффиту, когда он поднял вопрос о посылке сюда наших призывников. Что же делать?

— Есть выход, — сказал Савель, посмотрев на Ли Ки То, — и к нему рано или поздно придут. Собственная вьетнамская армия — вот выход. Ведь все же эта история касается не только нас. Так это или нет? Надо, чтобы и нам помогли. Когда у нас здесь будет создана вьетнамская армия в триста тысяч человек...

— Но она уже почти существует, — прервал его Ли Ки То.— Почти существует...

— Дорогой мой, — сказал Савель, — в это можно заставить поверить в Париже людей, которые только и мечтают, чтобы их успокоили. Но я-то прошу вас показать мне эти триста тысяч человек. Показать, как они добровольно и с энтузиазмом вступают в армию. Извините меня, но пока все это чистой воды комедия...

Ли Ки То ничего не ответил. Савель затронул его слабое место.

— Господа, — вмешалась Элизабет, — к чему все эти разговоры? У господина Поммардье создастся превратное впечатление, а ведь между нами царит полное согласие. Мы все согласны в глубине души, чтобы наш Индо-Китай стал снова тем, чем он был раньше. Вот! Права я или нет? Все остальное — это политика. А политика — это роскошь, которую можно себе позволить во Франции, да и то... Но не здесь. Правильно, Жак? — спросила она, обращаясь к Шеврие.

— Вы же знаете, что Жак с вами согласится, — сказал Савель. — Не правда ли, дорогой друг, Элизабет всегда непременно права?

— Разумеется, разумеется, это факт. Мы все так думаем, — поспешил подтвердить Шеврие.

— Вот именно, — иронически подхватил Савель, — мы все так думаем!.. Я не буду утверждать, что интересы плантаторов должны стоять выше военных интересов, но все-таки я спрашиваю: для чего французы находятся в Индо-Китае? Прежде всего для защиты наших интересов. Возьмите хотя бы меня: плоды моего тридцатилетнего труда находятся в оккупированной зоне, в шестидесяти километрах отсюда, в десяти километрах от фронта... Подумайте! Разве не смешно, что красные жрут мой рис? Неужели вы можете утверждать, что это не имеет никакого отношения к военному положению? И я вас уверяю, надо побольше прислушиваться к бывалым тонкинцам и поменьше слушать всяких субъектов, которые за два года составили себе состояние на торговле лимонадом в Сайгоне.

Савель, конечно, умолчал о том, что он сам за два года нажил на торговле лимонадом и на спекуляции пиастрами больше, чем за тридцать лет узаконенного жульничества с рисовыми полями.

Худощавый Шеврие выдавил на лице кисло-сладкую улыбку:

— Дорогой мой, нам все-таки не на что пожаловаться...

— Господа, — вмешался Ли Ки То, — несчастье, по-моему, в другом. Мы время от времени забываем о нашей общей цели. Забываем, что мы здесь — последняя преграда против коммунизма в Азии. А если она рухнет, то, как вы сами понимаете... все остальное...

В комнату вошел красный призрак. Вот уже пассажиры кают первого класса спускаются в трюм, а кули шумно располагаются в каютах первого класса. Вот уже — это мелькнуло в голове Поммардье — прислуга «Метрополя» перестала отвечать на звонки, а в баре, превращенном в народную трибуну, заседает совет из служащих гостиницы...

— Наш друг прав, — мрачно подтвердил Поммардье.— Это неотделимо от остального...

— От чего остального? — спросил Шеврие.

— От остальных преград. Есть преграда от коммунистов здесь, но есть ведь она и в Корее, и в Германии, и во Франции...

— Преграда во Франции? — воскликнул Савель. — Извините, но я в нее не верю.

— Господа, — снова вмешалась Элизабет,— оставим политику. Вы, может быть, возразите, что я предпочитаю руководствоваться чисто женской интуицией...

Все сразу запротестовали: «Что вы! Именно благодаря таким женщинам, как Элизабет Савель!..» Ли Ки То присовокупил:

— Мадам, все, чем мы так восторгаемся во Франции, воплощено в вас...

— Воплощено в вас, — повторил Шеврие.

— Вы символ, — счел нужным добавить Поммардье. — Очаровательный символ!

Он сам был поражен действием своего пошлого комплимента, который он сделал без всякого расчета. Элизабет бросила на него взгляд сообщницы.

Все развеселились. За суфле и глазированными фруктами с шампанским беседа снова рассыпалась на отрывочные и незначительные фразы. Мелькали имена незнакомых Поммардье людей. Шеврие и Савель затеяли спор о преимуществах двух марок автомобилей. Поммардье подумал о прорехе в своем образовании: он знал только «ситроэн» и «рено», но все же он сказал несколько патетических слов в защиту французского автомобиля.

— В нашем климате, на наших дорогах, — уверял Ли Ки То, — только американская машина...

— Старина,— говорил Савель,— если вы попадете в Пикардию... пусть Элизабет вам расскажет...

— Американская техника... — настаивал Ли Ки То.

— Американская техника... американская техника... дорогой мой,— прервал его Поммардье.— Разрешите мне сказать...

У него все путалось в голове: «Хоть бы знать, что такое объем цилиндра. А, плевал я на их объем цилиндра!»

— Надеюсь, вы не забыли, мосье Поммардье, — защебетала Элизабет, — нам ведь надо еще идти к нашим больным. Пожалуй, пора.

— Дайте хоть нам докурить сигары...

— Неужели вас поведут смотреть сумасшедших? Для пищеварения можно было бы придумать что-нибудь повеселее...

— Дорогой мой, она обожает своих сумасшедших. Сумасшедшие — ее страсть.

— Жан, — обратилась Элизабет к мужу, — вы невыносимы, вы просто невыносимы!

— Скажите, а они на самом деле сумасшедшие? — спросил, опомнившись, Поммардье.

— Как и все здесь, — ответил Шеврие. — Но у них, понимаете ли, это более выражено. Словом, там находятся более яркие случаи...

— Вы безжалостны... — проговорил Дюшен сонным голосом.

— Нисколько, — возразил Шеврие. — Я говорю и о нас с вами. Когда-нибудь мы все там будем...

— Но пока что — так, кажется, сказал Шеврие — пожаловаться не на что... Совершенно не на что! — Разговор шел о лимонаде. — Вы не представляете себе, сколько наши солдатики выпивают его. Никогда еще не требовалось столько лимонада. Ну, а что касается будущего, будем считать, что оно уже в прошлом...

— Вам-то хорошо так спокойно говорить о будущем, — удрученно говорил Ли Ки То, — но и вы должны понять, что у меня с вами несколько расходятся точки зрения...

Присутствующие засыпали его комплиментами. Он самый нужный, самый мужественный человек! Что было бы со всеми без него и без таких, как он!

«Вот это выхвачено прямо из жизни,— соображал Поммардье.— Значит, за словами о сотрудничестве кроется какая-то правда. Он скажет в парламенте: «Господа, во время своей служебной поездки в Индо-Китай я получил возможность убедиться... наш долг... Местные деятели доверяют Франции. В этой великой борьбе... за независимость... против иностранной интервенции». Нет, он что-то, пожалуй, хватил через край. Ну, а как же?»

Все стали умолять Поммардье описать его приключения на пути в Мин Кай. Но уже пришло время идти в госпиталь, и он с чарующей скромностью отказался. По правде говоря, его парализовало присутствие одного немого свидетеля — Дюшена. Элизабет Савель нашла, что скромность Поммардье великолепна. Совершенно великолепна!

* * *

Главный врач госпиталя повернул ключ в замке и первым вошел в палату. За ним следовали в белых халатах Элизабет, Поммардье и Дюшен.

— Они у вас на запоре? — шепотом осведомился Поммардье.

— Да, — ответил врач. — Так полагается, а кроме того это необходимо.

На желтые стены палаты падал тусклый свет пасмурного дня. Больные лежали на койках: кто на спине, кто уткнувшись лицом в подушку. Другие сидели. Несколько человек, одетых в больничные куртки, стояло в разных концах палаты. Присущий госпиталю запах дезинфекции здесь отсутствовал.

«Сумасшествие не заразно», — подумал Поммардье. На него напала какая-то детская робость.

— Военные травмы, — пробурчал врач.

— Вы сейчас поймете, до чего они все изумительны! — сказала Элизабет Савель. — Даже перестаешь понимать, кто больше... словом... они или мы.

Поммардье старался не глядеть на больных. Его пугали их невидящие взгляды. Он ожидал услышать какие-то звериные крики, и тишина его озадачила.

— Какие они послушные! — умилялась Элизабет.

больше случаев психических заболеваний, чем во время других войн. Врач с ним согласился. Поммардье выдвинул предположение о влиянии климата, но врач возразил, что климат играет некоторую роль, но не решающую. По его мнению, многие из пациентов были неуравновешенными еще до приезда во Вьетнам, а местные условия только усилили заболевание.

— Вам не надоело? — приставала Элизабет к Поммардье.— Я, должна признаться, обожаю все это.

Поммардье хотелось поскорее выскочить из госпиталя и напиться допьяна. «Сегодня я во что бы то ни стало назюзюкаюсь. Во что бы то ни стало!»

— Послушайте, — сказал Поммардье. — Как это странно: впечатление, что все они спят с открытыми глазами.

— Они не спят, — объяснил врач. — У большинства из них голова беспрерывно работает. В том-то и дело, что она слишком много работает. Перестали действовать тормоза... Некоторые психически заболели, когда увидели пропасть между воздушными замками, которые они строили, и действительностью. Другие мечтали об очень доступных вещах, но и они были обмануты в своих ожиданиях. Кто искал почестей, стал свидетелем бесчестья. Кто надеялся на любовь, столкнулся с ложью. Кто хотел показать себя, вынужден был признаться самому себе, что никогда не сможет гордиться тем, что сделал. Все эти противоречия и конфликты существовали не только в их воображении, они являются действительностью того жестокого мира, в котором эти люди жили еще до сумасшествия.

— Показать вам нашего вьетнамца? — спросила Элизабет. — У нас есть очень интересный вьетнамец. Он прекрасно говорит по-французски.

— Знаете... знаете... — пробормотал врач. — Я боюсь, что...

— Я не устал, — прервал его Поммардье. — Ведь я для того и прибыл сюда.

— Ну ладно. Но я должен вам заметить, что это особый случай. Здесь играют роль некоторые обстоятельства. Этот юноша — жертва судебной ошибки. С ним, как бы это выразить, несколько грубо обошлась здешняя полиция, в Ханое... словом, люди, у которых довольно своеобразное представление о допросах. После чего его рассудок тронулся. Сейчас он временно находится у меня. Следствие еще не закончено.

— Я смог бы помочь... — предложил Поммардье.

— Может быть, и в самом деле...

Врач повел посетителей к изолятору, от которого у него был отдельный ключ. На койке, завернувшись в одеяло и закинув руки за голову, лежал юноша. На его молодом, безбородом лице с широко расставленными скулами и провалившимися щеками не было и следа улыбки. Несмотря на неподвижно устремленный в пространство взгляд, сразу было видно, что больной не похож на восковых кукол общей палаты.

Поммардье протянул юноше руку и сказал:

— Доктор нам объяснил ваше дело... Мы примем меры для исправления ошибки... Во всяком случае, попытаемся...

— Благодарю вас...

— Да, сегодня они очень тихи, — согласился врач.

— На них действует погода? — спросил Поммардье.

— В каком смысле?

— Затяжной дождь...

— Очень возможно, — поддержал его Дюшен. — Дождь всех угнетает.

На одной из коек раздался взрыв хохота. Смеялось бесформенное существо, одетое в смирительную рубашку, как в саван.

— Вот уже полгода, как он находится в таком состоянии,— объяснил врач. — Часами хохочет. Трудно излечимый случай.

— А кем он был? — спросил Поммардье. — Я хочу сказать: кто он?

— У нас мало о нем сведений. Самый обыкновенный человек...

— Но неужели его нельзя вылечить?

— Едва ли, — сказал главный врач.

— А что они вообще говорят? Я хочу сказать: говорят они что-нибудь членораздельное?

— Большей частью они находятся в состоянии прострации. Некоторые без умолку болтают. И все одно и то же. Все хотят убежать отсюда.

К посетителям подошел человек в больничной одежде. Его изнуренное лицо говорило о больших внутренних страданиях. Кожа его, когда-то покрытая загаром, стала серой и пятнистой.

— Этот больной хочет здесь остаться, — заметил вполголоса врач. — Как это ни странно, но он хочет остаться. Ну, как дела, Падийо?

— Парийо, доктор, — поправил больной.

— Да, да, Парийо. Вам лучше? Вас скоро можно будет выписать.

— Я не хочу отсюда уходить.

— Почему?

— Не хочу. Я не хочу возвращаться во Францию. Мне наплевать на нее.

— Будьте благоразумны, Падийо... Ну, ну, Падийо, — успокаивает его врач.

— Я Парийо, доктор. И я хочу здесь остаться.

— Вас там ждут, — вмешался Поммардье.

Ему хотелось сказать: «Франция вас ждет», — но слова у него застряли в горле. Больной даже не взглянул на него. Поммардье для него не существовал. Он видел только одно лицо — лицо врача.

— Господин приехал из Парижа, он прав, вас там ждут.

— А мне наплевать, — ответил больной. — Что мне там делать? Кто меня там ждет? Наплевать мне на всех, я хочу остаться здесь.

— Будьте благоразумны, — сказала Элизабет.

— Я хочу остаться здесь.

— Ладно,— ответил ему врач.— Вы здесь останетесь.

Больной заплакал.

— Не огорчайтесь, Парийо. Будет по-вашему. Правда? — добавил врач, обращаясь к Поммардье.

— Конечно, — подтвердил Поммардье. Он не мог оторваться от лица другого сумасшедшего: серая маска с двумя щелками — бессмысленными глазами. Это существо, словно молитву, повторяло какой-то рассказ без начала и конца.

— ...и только курочку, всего лишь курочку...

— Да вы послушайте, это чудесная история с курицей! — восторженно прощебетала Элизабет. — Вы только послушайте, он вам сейчас расскажет, что украл курицу.

— Так вот,— шептал больной.— Ганс сказал мне: «Я признаю себя виновным...» Он японской саблей отрубил им головы. На берегу у реки. Это сделал Ганс. Он мне сказал: «Ты посмотри, это очень интересно». Я не остановил Ганса, вот в этом я виноват. Но я сам ничего не делал. Три местные женщины пришли стирать белье. Ему даже не пришлось их связывать. Ганс потом пожалел о происшедшем. Он сказал мне: «Ich befinde mich schuldig» — «Я признаю себя виновным». Курицу я забрал, это правда, но мы были голодны. Если вы считаете, что мы ее украли, то я признаю себя виновным. Но кому же придет в голову поднимать скандал из-за курицы? На берегу ничего не осталось. Земля стала красной. Ганс мне сказал: достань несколько кур. Но там была только одна курица. Ганс все это проделал на берегу реки японской саблей. Я ему принес курицу. Только одну. И он мне сказал: «Ich befinde mich schuldig».

— Вот редкий случай. Обычно они не говорят о виденных вещах, — отметил врач.

— Он бредит? — спросил Поммардье.

— И да и нет. В истории с курицей — да. Что же касается остального, то, к сожалению...

— Он немец?

— Нет, просто знает несколько слов. Только эти. Они его поразили.

Посетители переходили от койки к койке. С поразительным терпением врач пожимал каждому больному руку, дружески заговаривал и ласково отвечал на все вопросы. Больные не слышали от него слова «нет». Он говорил: «Да, возможно» или: «Да, да, тебя скоро выпишут. Тебе гораздо лучше».

— Этот больной уже никогда не выпишется, — заметил вполголоса доктор.

Поммардье опустил глаза. Больной лежал на животе, и от его лица, закрытого одеялом, тянулась длинная резиновая трубка.

— Как это ужасно! — вымолвил Поммардье. — Но он ничего не чувствует?

— Ему что-то грезится, он дремлет.

— Все это изумительно, правда? — воскликнула Элизабет. — Теперь вы понимаете, почему я так привязалась к ним?

Она смотрела на окружающее бессмысленными серыми глазами, и восторженная улыбка сияла на ее хорошеньком личике.

— Вы совершенно правы, — поддержал ее Поммардье. Он не решался признаться даже самому себе в том, что нелепо было придти сюда без дела. Его движения выражали неуверенность и робкое почтение — так ведут себя неверующие, осматривая мечеть.

— Ну, а как обстоит дело с питанием? — спросил он врача. — Благополучно?

— Не очень.

— А ведь еда играет большую роль, — пробормотал Поммардье.

Затем он спросил врача, не думает ли тот, что в Индо-Китае

— Вы хорошо говорите по-французски?

— Я десять лет учился во Франции...

Элизабет и Дюшен остались в дверях изолятора.

— В следующий раз я вам принесу книги, — пообещала Элизабет.

— Благодарю вас.

— Он чувствует себя гораздо лучше, — заметил врач.

— Вот и прекрасно! — сказал Поммардье. — Очень хорошо.

Юноша взял с ночного столика очки, аккуратно надел их на нос и откинул назад свои черные волосы. Лицо его сразу стало другим. Поммардье отпрянул. Он узнал Кхои, того самого вьетнамца, высылки которого из Парижа он требовал. Потом он приходил к нему в тюрьму, предлагая заключить бесчестную сделку. Бормоча что-то невнятное, Поммардье попятился к выходу.

Кхои сел и вцепился руками в раму кровати, у него дрожали губы.

— Сволочь! Сволочь! И ты еще имеешь наглость придти сюда издеваться надо мной! Они избивали меня день и ночь. Сволочь! Это все ты, сволочь!

— Успокойся, Кхои, будь умницей, — остановил юношу врач.

Поммардье, бледный, как полотно, вышел из изолятора.

— Не волнуйся, Кхои, не волнуйся, — повторял врач.

Он взял больного за плечо и силой уложил его в постель.

— Этот сукин сын выдал меня, доктор, — проговорил Кхои.

— Не думай об этом, помолчи. Тебе уже гораздо лучше. Не думай об этом.

Доктор и посетители в молчании возвращались через палату. Кто-то крикнул с одной из коек:

— Здравствуй, моя любовь!

Элизабет улыбнулась...

— Вас здесь все знают, — заметил Дюшен.

— О, да!

Во внутреннем дворике госпиталя Поммардье нагнал доктора:

— Мне нужно вам сообщить очень важную вещь.

— Прошу вас.

— Субъект, у которого мы сейчас были, симулянт. Я его знаю. Он коммунист и в Париже работал на красных... У нас есть доказательства.

— Я принимаю тех больных, которых мне присылают, — прервал его доктор.

— Да, но... я не знаю, понимаете ли вы всю... Это очень серьезно...

— Я вас великолепно понимаю. Но чего вы от меня хотите? — На лице врача появилось выражение крайней усталости. — Я принимаю к сведению ваше сообщение, вот и все.

— Ну, хорошо, а какие шаги вы собираетесь предпринять?

— Предпринять шаги? Я лично не считаю Кхои симулянтом, а остальное меня не касается.

— Но вы же слышали, что он кричал?

— Да, ну и что?

— Так надо же что-то сделать!

— Я не служу в полиции, у меня другая профессия.

— Они просто изумительны, правда? — ворковала Элизабет.

— Они изумительны, совершенно изумительны, — соглашался Дюшен.

Перевела с французского
Ирина Эрбург.

«Избранное»
Людмила Стоянова

«Моего родного села нет на карте, но оно живет в моем сознании как один из уголков ада: камни, хлеб из кукурузы, испитые лица, могилы», — рассказывает известный болгарский писатель Людмил Стоянов.

Сын учителя, он еще в юности успел хорошо познакомиться с лучшими произведениями русской классической литературы. Пушкин и Лермонтов были его любимыми поэтами, и он, будучи еще очень молодым, стал их переводить на болгарский язык.

Подобно многим другим писателям, пришедшим в литературу в начале XX века, Л. Стоянов на первых порах примкнул к символистам и стал писать «изысканные» стихи. «Как несчастные лунатики, путешествующие по карнизам, мы были слепы к подлинной жизни», — вспоминал впоследствии сам Стоянов.

Первым толчком к «отрезвлению» писателя послужило его участие в балканских войнах (в особенности во второй Балканской войне 1913 года). Коренной переворот в мировоззрении Л. Стоянова вызвала Октябрьская революция. Он «сбрасывает с себя поношенные доспехи «идеализма» и «божественного вдохновения» и вступает на путь реализма.

Недавно выпущенный Гослитиздатом сборник избранных произведений Л. Стоянова включает и прозу, и стихи, и наиболее яркие публицистические статьи. В уже известной советским читателям повести «Холера» (1935) перед нами развертываются картины неимоверных страданий солдатских масс, вынужденных сражаться за чуждые им цели. Вот мысли изможденного солдата, очутившегося в Софии: «Я — живой укор, призрак, явившийся сюда из окопов Калиманского поля, чтобы смутить нечистую совесть всех этих людишек, притулившихся на теплых местечках, уцепившихся за юбки своих жен; всех этих поставщиков низкопробных товаров и гнилого снаряжения, заплесневелого сыра и недопеченного хлеба, поставщиков полушубков, раздаваемых в июле, и оптимистических газетных статей, печатающихся после поражения; всех тех, кто заполнил сегодня улицы вместе со своими родственниками из бесчисленных канцелярий, лазаретов, казарм, дипломатов, непригодных быть даже кучерами, генералов, оставшихся без армий, — всего этого мира, безответственного, вороватого и подлого с его хваленым «патриотизмом...»

На формирование Л. Стоянова как писателя большое влияние оказало творчество болгарских классиков Христо Ботева и Ивана Вазова, а также его долголетняя дружба с видным болгарским реалистом Г. П. Стаматовым. В статье «Мой литературный наставник» Л. Стоянов пишет, что у Стаматова он воспринял то «рентгеновское зрение», которое делает видимыми «симпатические чернила» жизни, лицо под маской, лысину под шапкой, фальшь, прикрытую улыбкой...» Эта проникновенность взгляда мыслителя и художника особенно чувствуется в повести «Серебряная свадьба полковника Матова» (1929).

Почти в самом начале серебряной свадьбы героя хватил удар. Рассказывая о мелькающих в мозгу умирающего видениях и мыслях, писатель освещает все наиболее существенные моменты жизни Матова и его семьи, все их дела и сокровенные думы. В результате перед читателем отчетливо вырисовываются не только гниль и фальшь внешне благополучной жизни Матова, но и социальные антагонизмы Болгарии эпохи царизма.

Героике прошлого посвящены «Мехмед Синап» (1936) и рассказ из жизни горцев «Хатидже». «Мехмед Синап» — это повесть о вожде восставшей крестьянской бедноты, бывшем батраке. И «Хатидже» и «Мехмед Синап» отличаются романтической приподнятостью, особенно заметной в изображении Мехмеда. Резко очерчена и фигура командующего турецкими отрядами Кара Ибрагима. Менее отчетливо вырисовываются в повести соратники Мехмеда. Образов простых людей из народа, если не считать Муржу, до конца преданного Мехмеду, в этом произведении почти нет.

Поэзия Л. Стоянова отличается бодростью, боевым духом, в черную годину она призывала болгарский народ «поднять гигантский кулак и замахнуться — вот так!» Наиболее волнующие и запоминающиеся стихотворения — это «Родина», «Бедность», «Ботев», «Русскому народу», «Париж в те дни».

Большинство публицистических статей Стоянова, включенных в сборник, посвящено борьбе с мировой реакцией, с фашизмом («Белые варвары», «Письмо американским писателям», «Народ в оковах», «В хвосте мировых событий», «На борьбу с фашизмом»).

Среди статей, посвященных вопросам литературы, особенно выделяются «Мой литературный наставник» и «Счастье для всех», в которых писатель ясно и образно излагает свои основные творческие принципы и анализирует пройденный им самим путь.

О. ЛЮБОМИРСКИЙ

Индийская танцовщица

...На Московский станкостроительный завод имени Орджоникидзе приехала делегация индийской молодежи. Гости долго ходили по цехам, побывали в детских яслях, в общежитиях, в столовой. Их многое интересовало, они многому удивлялись и часто что-то записывали в свои объемистые блокноты. Когда молодые индийцы во второй раз приехали на завод, то пошли уже не в цехи, а в заводской клуб. Вечер отдыха молодежи начался с концерта художественной самодеятельности. После того, как конферансье объявил, что программа исчерпана, и в фойе уже послышался вальс, зрители не покинули зала: человек пять — шесть молодых рабочих решили от имени собравшихся попросить одного из членов делегации, танцовщицу Индрани Рахман, лауреата фестиваля молодежи и студентов в Бухаресте, исполнить индийские танцы. Индрани охотно согласилась. Оказалось даже, что она сама хотела сделать это и взяла с собой ленту магнитофона, на которой была записана музыка.

Вскоре занавес снова открылся, и в зал полились чуть протяжные, волнующие звуки бансури-флейты и саруда. Эта нежная мелодия то совсем заглушалась грозно рокочущими ударами табля, то вспыхивала с новой силой.

Но вот гневный рокот затих, и на сцену легко выбежала стройная черноволосая и черноглазая девушка. Она приложила руки к сердцу, поклонилась залу и отступила назад. Маленькие звонкие колокольчики, которыми были обвязаны щиколотки босых ног танцовщицы, трепетали при каждом движении и удивительно тонко вплетались в ткань музыки.

— Танец созидания, — объявил переводчик. — Этот танец исполняется в храмах во время религиозных праздненств.

На миг утихшая музыка вновь заполнила сцену, и, когда на звуки флейты обрушился удар табля, танцовщица вздрогнула, подняла глаза и улыбнулась. После долгих и плавных поклонов она легко пробежала по сцене и вдруг как бы заговорила о чем-то — так явственно слышалась ее речь в удивительно выразительной мимике и движениях гибких и легких рук...

Вот Индрани с поклоном дарит кому-то цветы. Ее правая рука, сжатая в кулак, плавно движется вперед. Пальцы медленно раскрываются и вдруг застывают, как распустившийся бутон розы. Тонкие и гибкие пальцы трепещут, как прозрачные лепестки. Индрани отказалась от религиозной трактовки танца, которую так старательно прививали ей старые учителя — ревностные хранители древних традиций индийских танцев.

Аплодирующие зрители долго не отпускали Индрани Рахман со сцены, и ей пришлось исполнить еще несколько танцев. И хотя переводчик объяснял, что исполняются танцы из цикла религиозных, никто из зрителей не поверил этому: так убедительно рассказывала танцовщица о живых людях, об их любви и страстях, об их жизни, борьбе, об их надежде на лучшую долю.

...Почти месяц индийская молодежная делегация провела в Советском Союзе. Гости посмотрели многое. В те дни Индрани старалась не пропустить ни одного балета в театрах Москвы, Ленинграда и Еревана.

Перед отъездом на родину ее попросили поделиться своими впечатлениями.

— Знакомство с вашей страной, с вашим балетом, — сказала Индрани Рахман, — было для меня подобно паломничеству мусульманина в Мекку. Я давно мечтала побывать в Советском Союзе. И вот теперь паломник достиг того, к чему он стремился.

Ваш великолепный театр и особенно балет я восприняла как подлинный триумф искусства. Как должны быть счастливы советские артисты: они несут всю красоту такого искусства своему великому народу!

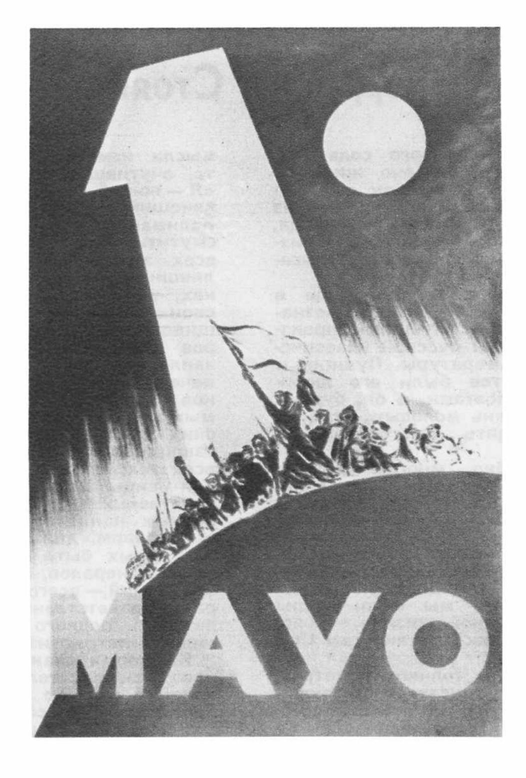
В Индии я обязательно расскажу людям обо всем, что я видела в этом новом мире.

П. БАРАШЕВ

(См. фото на последней странице обложки).

АРМАНДО ГОНСАЛЕС

Недавно побывавший в СССР известный скульптор Армандо Гонсалес — один из самых ярких и самобытных художников Уругвая. Общественная деятельность и творчество этого славного представителя прогрессивной интеллигенции Латинской Америки являются примером самоотверженного служения своему народу.

Плакат «1 Мая».

Плакат, призывавший к разрыву с франкистской Испанией.

Скульптура «Девочка и голубь».

Жизненный путь Гонсалеса был не легким: с раннего детства ему приходилось зарабатывать себе на жизнь. Но трудолюбивый юноша находил силы после тяжелой работы учиться живописи и ваянию. Благодаря таланту и настойчивости ему удается получить художественное образование и стать профессиональным скульптором. Его произведения завоевывают любовь народа, и вскоре имя художника становится широко известно.

Творчество Армандо Гонсалеса разнообразно. В скульптуре, в монументальной живописи, в плакатах он показал себя художником-реалистом, убежденным борцом за мир и демократию.

На различных художественных выставках и конкурсах Армандо Гонсалес из года в год получает первые премии, золотые медали и почетные грамоты — и это, несмотря на яростную травлю, которой подвергают его реакционные круги страны, всячески пытающиеся опорочить художника, не допустить публичного показа произведений Гонсалеса.

Из последних скульптурных работ Гонсалеса, пожалуй, наиболее выразительна скульптура «Девочка и голубь» (бронза), выполненная с подкупающей простотой и искренностью. Голубь в руках девочки — народный символ мира — придает произведению скульптора широкий общественный смысл.

Интересны фрески художника, посвященные жизни и борьбе трудящихся Монтевидео. С большим мастерством, с подлинной страстью рассказывает он правду о жизни и борьбе уругвайского народа. В самых сложных композициях Гонсалес умеет ясно и четко выразить воодушевляющую его глубокую мысль.

Армандо Гонсалес много работает в области плаката и карикатуры. Его плакаты, лаконичные и выразительные, метко и остро раскрывают политическую сущность тех или иных международных событий. Художник прославляет мужество участников прогремевшей на весь мир всеобщей забастовки в Барселоне, которую возглавил Грегорио Лопес Раймундо. Уверенностью в победе народа проникнут первомайский плакат Гонсалеса. Гневно клеймит он политику империалистов и зовет народ Уругвая к борьбе за национальное освобождение.

Армандо Гонсалес был избран заместителем генерального секретаря Национального Совета Мира Уругвая. Вскоре после этого талантливого художника вместе с группой других борцов за мир бросают в тюрьму, жестоко избивают. Возмущение прогрессивных сил страны против произвола полиции оказывает свое действие, и Гонсалеса освобождают из заключения.

Армандо Гонсалес полон творческих сил и новых замыслов. Сейчас он работает над скульптурой-памятником национальному герою уругвайского народа Хосе Артигасу. Художник задумал создать несколько скульптур: «Мать», «Крестьянин», «Рабочий», — которые будут развивать тему мира, начатую еще в работе «Девочка и голубь».

В. ТОНИН

Фреска «Скотоводы».

Фрагмент фрески.

В НОВОЙ КВАРТИРЕ. На площади имени Чернышевского в городе Серпухове выстроен дом для рабочих фабрики «Красный текстильщик». Маляр строительного отдела этой фабрики Василий Васильевич Мусоргин получил в новом доме благоустроенную квартиру.

Фото В. Шаховского.

Звеньевая колхоза имени Молотова, Давид-Городокского района, Стефанида Гром — лучший льновод Пинской области (БССР). В нынешнем году ее звено собрало по 450 килограммов семян и 744 килограмма первосортного льноволокна с каждого из 8 гектаров. Стефанида Гром получила 8468 рублей премии-надбавки за перевыполнение плана урожайности.

Фото В. Лупейко.

Заречье

Александр ПРОКОФЬЕВ

Рисунки В. Высоцкого.

Новоселье

Новоселы входят в новый дом,
И тогда, как в бубен, грянул
гром.
Гром вовсю гремит,
Первый дым дымит,
Широко деревнею
Дождь идет серебряный!
А потом на луга
Встала радуга-дуга.
Встал мост
Выше звезд,
В семь цветов,
С тыщу верст!
Входят в дом новоселы,
Грянул в бубен
веселый
Вешний гром.
Разбросался серебром
Частый дождь
На колхозную рожь,
На колхозный лен,
На заречный клен.
На колхозное жито
Просто ливнем пошел...
Хорошо на свете жить,
Хорошо!

А у нас по Заречью

Насте

А у нас по Заречью
Дни и ночи подряд
На зеленом наречье
Леса говорят:

Все мои вересинки,
Что милы и любы,
Легкозорки-осинки,
Тугодумы-дубы.

А у нас по Заречью
До глубокой воды
С тихим трепетом вечным
Припадают сады.
Их расцвет неизменен,
На крутом берегу
Все черемухи — в пене,
А все вишни — в снегу!

А у нас по Заречью
Да на веки веков
Много самых сердечных
Раскидано слов.
Тех, что кружатся, вьются,
Словно птицы в лугах,
Тех, что сами смеются
У тебя на губах!

Приглашение к хороводу

Пожалуйте в хоровод,
Тракторист и полевод,
На цветы на луговые
Приходите, звеньевые,

Со своими звеньями
И со всеми семьями,
С дедами и с бабками,
С детворой — охапками!

Всем безотлагательно.
Явка обязательна.

Надрываются трехрядки,
Рожь шумит, звенят овсы...
— Все в порядке, все в
порядке,—
Отзываются басы.

Разноцветно, голосисто,
И, врываясь в общий гул,
Кто-то беленьким батистом,
Кто-то розовым взмахнул.

И смуглянка, не лукавя,
Начала дробью.
И ногами, и руками,
И еще бровью!

Разлука

Будто в этот вечер
Поле отцвело,
Будто все Заречье
Тучей занесло.

Не было в окружье
Тучи грозовой,
Не было в разлужье
Бури низовой.

Лишь чуть-чуть затмилось
Небо над лужком,
Там, где я простилась
С дорогим дружком!

Ночь

День совсем на исходе,
И, по-свсему прав,
Вечер в ночь переходит
Круто.
Резко.
Стремглав.

И под красной дугою
На лугах заливных
Ночь летит, как в погоню,
На конях вороных.

Мчит по краю родному,
Только иней хрустит,
На дуге коренного
Новый месяц блестит.

Звезды, звезды, как гроздья,
Россыпь ярких огней,
Звезды вбиты в полозья,
Звезды в гривах коней!

Пал туман на долину

Предосенние шумы
Затопили село,
Речка, словно под шубой,
Дышит так тяжело!

Пал туман на долину,
Все закрыл, только в нем
Возле речки рябина
Брызжет красным огнем,

Где белесы и русы
На песчаной косе
Нижут девочки бусы,
Первоклассницы все.

До весны молодой!

Вопреки всем приметам,
Что известны давно,
Посмотри: бабье лето
К нам стучится в окно.

Далеко улетая
(С наших мест не видать!),
Кружит ласточек стая.
— Может быть, подождать?

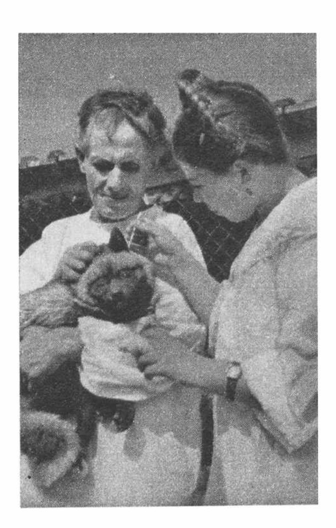
Но летят вперегонку
Пташки смелые:
Сверху — синее суконце,
Снизу — белое.

А в пути лишь тревоги
Над землей и водой...
— Ну, счастливой дороги,
До весны молодой!

«СЕВЕРЯНКИ» В ПОВОЛЖЬЕ

В приволжской деревне Вихлянцево, сколько помнят односельчане, не было такого страстного охотника, как Константин Александрович Акифьев. За два с лишним десятка лет Акифьев переменил много профессий — огородника, лесовода, конюха, садовника. Но истинным призванием Константина Александровича всегда оставался промысел с ружьем. Никто в округе не мог соперничать с ним в знании звериных повадок. И когда правление колхоза имени Ворошилова решило организовать звероферму, Акифьева сочли самым подходящим кандидатом на должность зверовода.

К. А. Акифьев показывает ветеринарному врачу заболевшую лисичку.

Фото Ю. Яковлева.

...Со станции Камышин в деревню прибыли грузовики с клетками, в которых находились лисицы.

Ватага ребятишек как увязалась за машинами у околицы, так и не отставала до конца пути. Прибытие зверей всполошило не только детвору. Женщины, тревожась за судьбу своих хохлаток и пеструшек, тщательно заделывали щели в курятниках, проверяли крепость запоров.

У старого охотника были свои заботы. Константин Александрович знал, что серебристые лисицы, обитательницы северных краев, в Сибири, на Урале и в других местах хорошо живут и размножаются в неволе. Но как почувствуют себя «северянки» в южных районах?

Опасения Акифьева оказались не напрасными. Лисички резвились в своих загонах, с аппетитом поедали корм, но потомство было малочисленным.

Константин Александрович затеял переписку с учеными-специалистами, советовался с зоотехниками других ферм. В результате дело пошло на лад. В этом году приплод на ферме составил около 60 зверьков.

...Мы внутри загона. Высоко над землей, на столбах, стоят клетки. Лисы занимаются своими делами: одни лакомятся камышинскими арбузами, другие резвятся или дремлют под шум осеннего ветра. Солнечные лучи, запутавшиеся в мехе, заставляют его переливаться серебром. Кажется, что там то загорается, то меркнет пушистый иней...

А. МАКСИМОВ

КРУПНЕЙШИЙ УЧЕНЫЙ

К 75-летию со дня рождения академика К. И. СКРЯБИНА

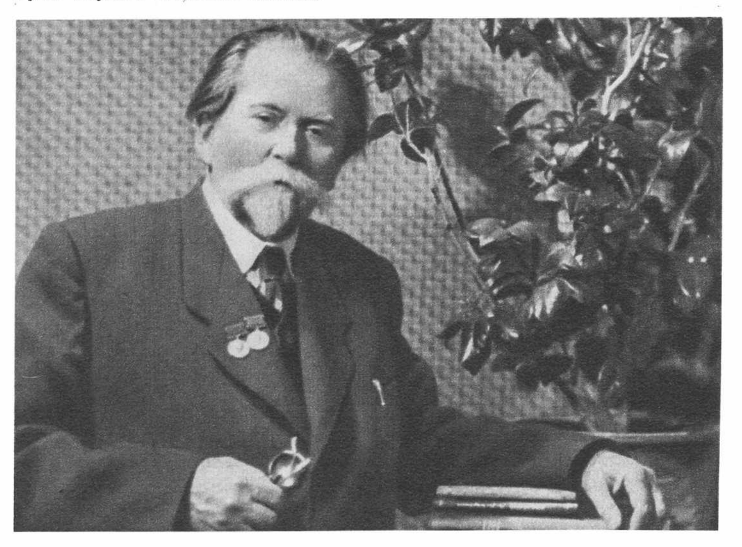
В 1921 году, когда Советская страна только вступила на путь восстановления народного хозяйства, группа московских ученых выехала в Среднюю Азию. Экспедицией по изучению гельминтов сельскохозяйственных и промысловых животных руководил энергичный советский исследователь Константин Иванович Скрябин.

После пяти месяцев работы в труднейших условиях Казахстана, Узбекистана и Туркмении ученые доставили в Москву богатые коллекции гельминтов. Обработка этих коллекций, длившаяся много лет, привела к важным научным открытиям. Это была пятая экспедиция, организованная К. И. Скрябиным.

Количество видов паразитических червей — гельминтов — огромно: у человека их обнаружено свыше пятидесяти, а у животных и растений — тысячи. Гельминты нередко вызывают заболевания, подчас опасные для жизни. Отсюда понятно исключительное значение для животноводства, растениеводства и народного здравоохранения гельминтологии — комплексной науки, всесторонне изучающей мир паразитических червей и меры борьбы с ними.

В старой дореволюционной России исследования гельминтов были очень слабо связаны с медициной и ветеринарией. Лечение сводилось к простому изгнанию паразитов, в то время как внешняя среда — почва, вода, скотные дворы, пастбища — оставалась загрязненной яйцами и личинками гельминтов и служила постоянным источником заражения. Гельминтологии как науки тогда не существовало.

Молодому ветеринарному врачу К. И. Скрябину, направленному после окончания Тартуского (Юрьевского) ветеринарного института на работу в далекий Чимкент, а затем в Аулие-Ату (Джамбул), где он стал собирать и изучать гельминты домашних и диких животных, почти не у кого было учиться. Не много дала ему и научная заграничная командировка, из которой он вернулся накануне первой мировой войны.

Только в советское время начались глубокие гельминтологические исследования. В 1920—1922 годах К. И. Скрябин организовал гельминтологические лаборатории в Москве — при Тропическом институте, Институте экспериментальной ветеринарии, в университете, а несколькими годами позже — в Харькове, Ереване и Бухаре. В тридцатые годы был создан и специальный Всесоюзный институт гельминтологии, носящий ныне имя его основателя — К. И. Скрябина. Сейчас вопросами гельминтологии занимаются Академия наук СССР с ее филиалами, целая сеть медицинских, ветеринарных, сельскохозяйственных вузов и других научных и учебных заведений.

Особенно велика роль ежегодных гельминтологических экспедиций, которые возглавлял сам К. И. Скрябин или же его сотрудники и ученики. Первая такая экспедиция была проведена еще в 1919 году. За минувшие с тех пор годы ученые вскрыли свыше 100 тысяч трупов различных животных, составив богатейшие коллекции.

Постепенно выяснилась неведомая до тех пор картина и способы географического распространения гельминтов в нашей стране. Была установлена зависимость вредоносного действия червей от климатическо-географических, профессиональных и бытовых условий. Интересные результаты дала и экспериментальная гельминтология. Исследования Скрябина и его учеников выявили «промежуточных хозяев» гельминтов, в которых они проходят ранние (личиночные) стадии развития. К ним относятся разнообразные моллюски, рачки, многие насекомые, рыбы и другие животные.

Советскими гельминтологами создана новая классификация гельминтов, открыто и описано огромное количество особых, до тех пор неизвестных видов паразитических червей.

Научные труды К. И. Скрябина и вся его многогранная деятельность неутомимого организатора и педагога неразрывно связаны с сельскохозяйственной практикой. В разработанной им сложной, но стройной системе гельминтологической науки нет мертвых граней между теорией и практикой. Венцом этого единства теории с запросами жизни явилась поставленная академиком Скрябиным задача девастации (искоренения) некоторых наиболее вредоносных гельминтов. В первую очередь должны подвергнуться девастации солитеры, овечий мозговик и собачий эхинококк, огромные личинки которого наносят тяжелые повреждения организму человека и некоторым сельскохозяйственным животным.

Перу К. И. Скрябина принадлежит свыше 500 научных трудов. Среди них монографии о гельминтах овец, северных оленей, лошадей, крупного рогатого скота. Имя К. И. Скрябина популярно среди колхозников, работников животноводческих совхозов, конских заводов, племенных рассадников, его глубоко уважают врачи и биологи. Советский народ избрал ученого-общественника депутатом Верховного Совета СССР. Крупнейший деятель современной гельминтологии известен и за рубежом: он избран членом ряда научных обществ и научных учреждений.

Профессор П. НОВИКОВ

Фото Е. Мичуриной.

И. ВЕРШИНИНА

Фото А. Гостева.

В эти часы в театре царят тишина и полумрак. Изредка встречающиеся люди бесшумно ступают по коридорам и лестницам, разговаривают шепотом.

Белеющие тут и там большие плакаты предупреждают: «Тише! Идет репетиция».

Сегодня в верхнем фойе артисты под руководством режиссера В. Я. Станицына будут работать над пьесой Б. Лавренева «Лермонтов».

Серые ширмы разделили зал, очертив условную линию сцены. Большой диван, стулья, столик — все необходимое актерам для действий в этой картине. В репетиции заняты воспитанники студии Художественного театра: А. Михайлов (Лермонтов), В. Трошин (Раевский), К. Градополов (Столыпин), народная артистка РСФСР В. Попова (бабушка).

Репетиций давно не было, и исполнители до прихода режиссера припоминают текст, найденные на предыдущих занятиях мизансцены (переходы и местоположения героев). Вошедший режиссер прерывает их.

— Совершенно неважно, кто куда шел,— говорит он,— важно, чтобы вы вспомнили, почему, зачем вы так, а не иначе делали; восстановили логику действия, тогда придут и мизансцены.

Идет первая картина. Бабушка, беспокоясь о больном Лермонтове, уговаривает его принять лекарство, уговаривает ласково, порой чрезмерно нежно. Режиссер делает поправки:

— Здесь не должно быть излишней чувствительности. Правда, внук — единственное, что есть в жизни Арсеньевой, и ей, естественно, беспокойно, когда он болеет. Но вспомните, что о ней писали ее современники, как она обращалась с крепостными. Она властный человек!

Сцена повторяется. Постепенно вырисовывается иной характер.

Идут дальше. И вновь остановка.

— Зритель приходит в театр не только слушать слова, но следить за действиями, поступками, мыслями героев. Именно мыслями; ведь вы играете умных, мыслящих людей! Слову должна предшествовать мысль, а вы,— говорит он Трошину и Михайлову,— психологически не подготавливаете произносимую фразу, и интонации от этого бесцветные, скучные.

Настойчиво и кропотливо объясняет Станицын актерам логику сценического поведения. Исполнители молоды, им надо не только подсказать нужное для воплощения данной роли, но помочь найти самостоятельный путь проникновения в сценические образы.

Но вот все как будто ясно.

...Боль и гнев закипают в сердце Лермонтова, когда он слышит подробности похорон Пушкина: «На дровнях!.. С жандармом!» Сознание своей беспомощности и безнаказанности убийцы мешает говорить. В бешенстве и отчаянии бьет он кулаками подушку, в изнеможении падает на постель.

Приходит Столыпин (К. Градополов).

— Вы понимаете, Костя,— обращается к исполнителю этой роли Станицын,— этот шаркун даже не читал стихов Лермонтова, о которых рассуждает, он просто повторяет глупости, слышанные в салонах. Поэтому и болтает Столыпин без умолку: ему не надо времени на обдумывание.

Так постепенно начинают вырисовываться контуры характеров поэта и людей, его окружавших,— единомышленников и врагов.

Станиславский требовал, чтобы актер, раскрывая типическое в характере человека, не забывал об индивидуальном. В единстве индивидуального и типического, общего и особенного видел он залог создания реалистического образа. К этому же стремятся ученики и последователи Станиславского в работе над любым спектаклем.

Так работает и группа актеров под руководством режиссеров Н. М. Горчакова и Г. А. Герасимова над спектаклем «За власть Советов». Пьеса В. Катаева написана специально для МХАТа по мотивам одноименного романа.

В центре пьесы образ чудесного человека, волевого, стойкого коммуниста Черноиваненко. Эту роль исполняет А. Н. Грибов.

И хотя актерскому дарованию Грибова близки юмор, человеческая теплота, задушевность — черты, которыми наделил автор своего героя, — многое продумали сообща режиссер и исполнитель.

Репетиции перенесены на сцену. Происходит окончательное формирование спектакля: уточнение мизансцен, декораций, освещения, шумов, реквизита. Актеры «обживают» все это. Режиссер проверяет действия, слова, жесты, проходы по сцене, как все это сочетается с остальными компонентами спектакля.

Репетируется сцена в комиссионном магазине.

Здесь помещается главная конспиративная квартира подпольщиков. Сюда приходит секретарь подпольного райкома партии Черноиваненко. Долго пробыв в катакомбах, он не учел, что весна уже в полном разгаре, и пришел в зимней одежде, что могло привлечь к нему внимание. Хозяин магазина, подпольщик Колесничук, помогает ему переодеться. Сцена эта репетируется впервые в декорациях, с бутафорией, реквизитом.

Режиссер останавливает актеров.

— Вы переодеваетесь,— говорит он,— безотносительно к тому, почему вы это делаете и при каких обстоятельствах. А между тем эпизод нужен, чтобы зритель еще раз почувствовал обстановку, в которой находятся эти люди, ежеминутно грозящую им опасность.

После поправки режиссера сцена играется по-другому. Хозяин магазина (артист С. Блинников), не спуская глаз с двери, торопливо стаскивает с Черноиваненко одежду, заталкивает ее под прилавок, быстро достает весеннее пальто и, подчеркнуто вытянувшись, галантно, не спеша, надевает его на «покупателя».

Пока на сцене идет репетиция пьесы «За власть Советов», направимся в комнату, откуда доносятся звуки рояля.

Здесь молодые актеры готовят комедию Шекспира «Двенадцатая ночь». Ставит спектакль П. В. Массальский, режиссер — молодой актер театра И. М. Тарханов. Сейчас прослушивают музыку к спектаклю. Проверяются отдельные сцены, которые идут с музыкальным сопровождением, соответствие мелодий словам, движениям, поведению героев.

Но репетируются не только новые спектакли. Во МХАТе, как ни в одном театре мира, сценическая жизнь пьес длится по 20, 30, 40, 50 лет. И из года в год в них вводятся новые исполнители.

В актерских гримерных, маленьких репетиционных помещениях, а затем и на сцене режиссеры тщательно и кропотливо работают с новыми исполнителями. Ведь им предстоит не только хорошо, правдиво и убедительно сыграть роль, но, трактуя образ по-своему, органично войти в сложившийся десятилетиями ансамбль готового спектакля. Сейчас вводятся молодые актеры в самый старый спектакль — «На дне».

Но работа актера над образом происходит не только в здании театра. Она продолжается дома, на улице, в библиотеках, музеях.

Когда МХАТ приехал на гастроли в Ленинград, его актеров, режиссеров, художников можно было встретить в музеях, у памятников архитектуры. В. Я. Станицын и дипломник постановочного факультета студии Художественного театра А. Понсов (оформляющий спектакль «Лермонтов») ходили по местам, связанным с пребыванием поэта в Петербурге, изучали различные памятники дворянского быта 30-х годов прошлого века.

Группа молодых актеров вместе с главным режиссером театра М. Н. Кедровым побывала в Государственном Эрмитаже. Здесь состоялась беседа о том, как должен изучать актер изобразительное искусство.

Кедров обратил внимание молодых актеров на полотна классиков живописи, на композицию их картин, ее выразительность, продуманность деталей. Выразительности мизансцены, а равно и тому, как расположить действующих лиц, чтобы, не нарушив жизненной правды, показать всех их зрителю, надо учиться деятелям театра.

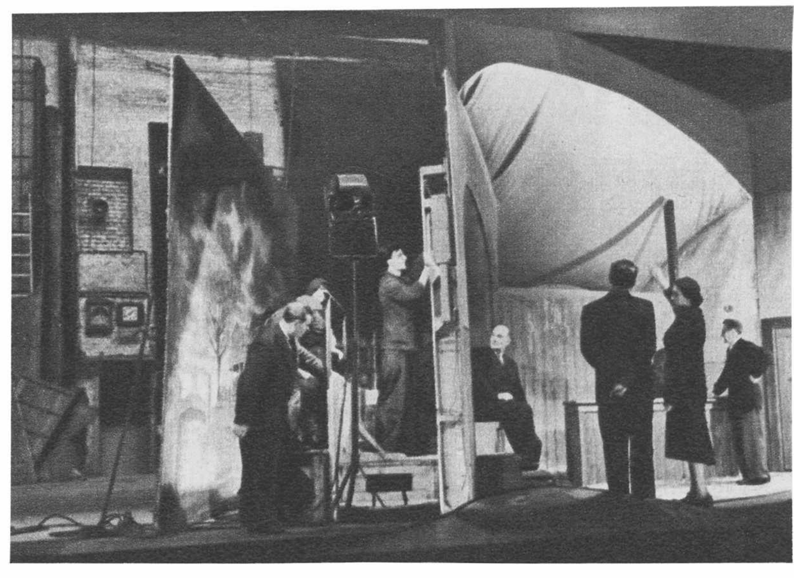
Подолгу стоят мхатовцы у портретов, исполненных великими мастерами, особенно присматриваясь к рукам, жестам, позам.

— Эпоху характеризуют не только декорации и костюмы, но и жесты, движения, — говорит Кедров.— Актер обязан знать, как среди этих декораций, в этом костюме себя вести. Создавая образы людей различных эпох, актер должен понять смысл поведения человека в той или иной обстановке.

...Понять поведение человека, уловить и раскрыть его характер, смысл его поступков, действий, мыслей, создать живой и типический образ — к этому направлены все усилия мхатовцев в работе над новыми спектаклями.

На репетиции спектакля «Лермонтов». Слева направо: Арсеньева — В. Н. Попова, Лермонтов — А. Михайлов и режиссер В. Я. Станицын.

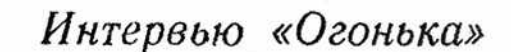
На сцене идет монтировочная репетиция спектакля «За власть Советов»

Во время гастролей МХАТа в Ленинграде. Группа молодых актеров вместе с главным режиссером театра М. Н. Кедровым (в центре) посетила Эрмитаж.

Зимой на горных склонах

Интервью «Огонька»

— Расскажите нашим читателям о слаломе и о скоростном спуске — спорте огромных скоростей и отваги, расскажите о лыжниках, которые чувствуют себя на крутых склонах так же спокойно и уверенно, как на городском тротуаре,— с этой просьбой обратились мы к государственному тренеру по горнолыжному спорту Ю. С. Преображенскому.

В ответ перед нами была положена пачка фотографий.

— Попробуем проиллюстрировать нашу беседу снимками,— сказал Ю. С. Преображенский.

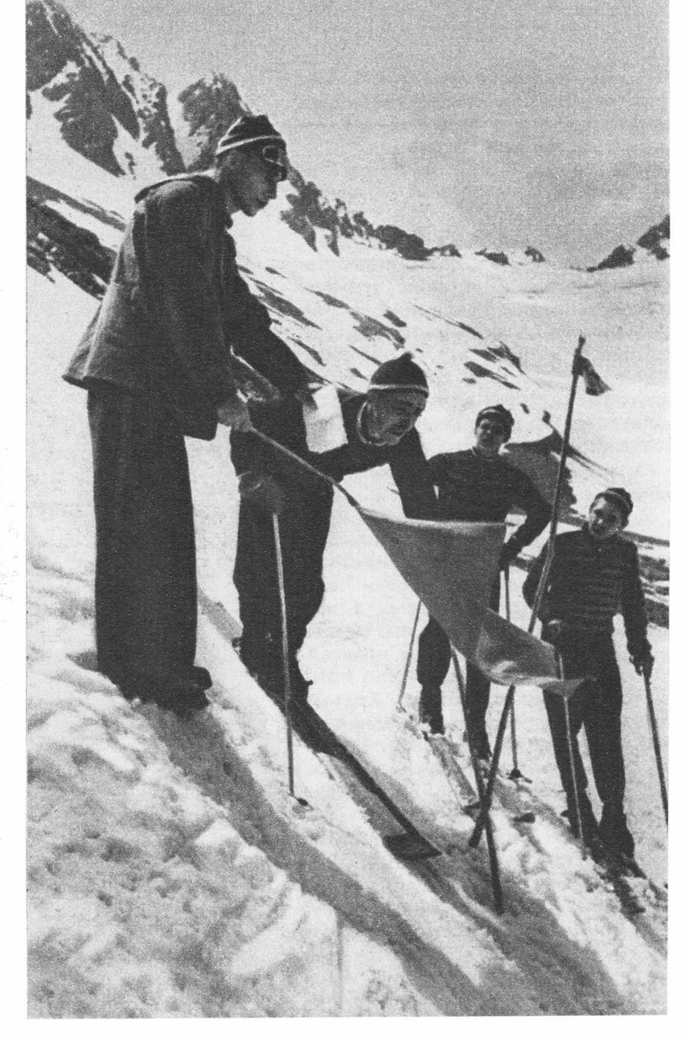
Итак, вы хотите, чтобы я рассказал о горнолыжном спорте? Для слаломистов равнинная лыжня — только дорога, ведущая в горы. Там, на горных трассах, место их действия, там арена их борьбы.

Казалось бы, что лыжник, увлекаемый по горному склону все нарастающей скоростью, теряет власть над своими действиями. Но в том-то и дело, что мастерство современных горнолыжников позволяет при самом стремительном спуске огибать различные препятствия, мгновенно менять направление.

Слалом — это целая серия стремительных и точных поворотов. На дистанции протяжением от 400 до 700 метров расставляются ворота из флажков. Задача лыжника заключается в том, чтобы пронестись через все эти ворота, затратив на спуск как можно меньше времени. Скорость, возникающая во время спуска, является союзником спортсмена. Но одновременно она является и главным его противником. Чем быстрее спускается слаломист, тем больше шансов у него на победу, но тем большие центробежные силы возникают после каждой перемены направления, тем легче ему не «вписаться в поворот», сбить флаг, что карается штрафом, а то и просто проскочить мимо очередной фигуры слалома.

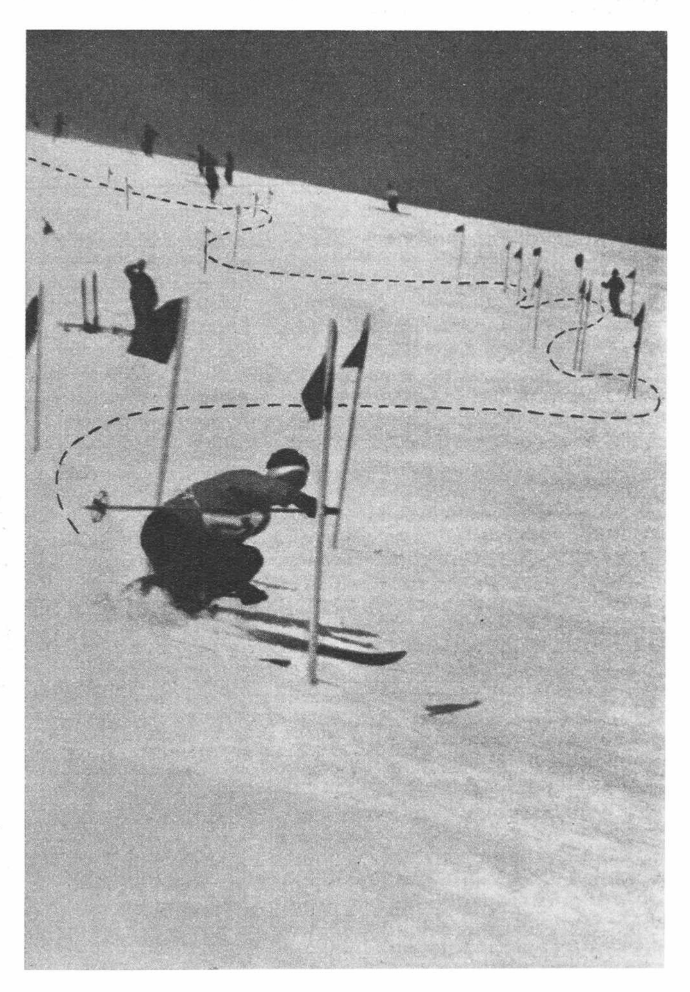
Современная дистанция слалома отличается от дистанций прежних лет. Теперь вместо заранее известных, геометрически четко очерченных фигур вроде «шпилек», «змеек», «коридоров» на снежном склоне расставляются ворота в самых причудливых и неожиданных сочетаниях. Такая трасса требует от лыжников значительно более отточенной и разнообразной техники. Для того чтобы совершать повороты на скорости 30—40 километров в час, нельзя опоздать ни на одно мгновение. Первая же ошибка сразу вызывает нарастание крутизны поворота, и в конце концов лыжник начинает сбивать флажки, теряя драгоценные секунды.

Дистанция слалома требует от спортсмена исключительной реакции, смелости, молниеносного расчета, и все же обычный слалом — это только первая ступень горнолыжного мастерства. По условиям соревнования, каждый спортсмен проходит дистанцию слалома дважды, и победитель определяется по сумме двух попыток. Но существует еще одна, более сложная разновидность слалома. Ее называют «слалом-гигант».

На старте «слалома-гиганта» чемпион СССР Матвей Шамин.

На дистанции протяжением в 1 500 метров, проложенной по крутым горным склонам, скорость спуска достигает 60 километров в час. Прохождение ворот в «слаломе-гиганте» требует еще большего искусства, еще более точного расчета. На огромной скорости каждое движение должно выполняться совершенно безошибочно, а путь лыжника пролегает через естественные трамплины в виде бугров, заставляя спортсмена, хочет он этого или нет, пролетать некоторое расстояние по воздуху, и очень часто момент приземления является началом

←

Для этих спортсменов равнинная лыжня — только дорога, ведущая в горы.

Дистанция слалома требует отточенной техники.

→

Высоко в горах берет свое начало дистанция скоростного спуска. Отсюда, со старта, лыжникам предстоит пронестись вниз три тысячи метров.

очередного крутого и стремительного поворота. В «слаломе-гиганте» каждый лыжник имеет в своем распоряжении только одну попытку.

Лучших результатов в «слаломе-гиганте» на первенстве страны 1953 года сумел добиться Матвей Шамин. Он начинал свой спортивный путь в Москве, на Ленинских горах.

В горах Заилийского Алатау судья дает старт Матвею Шамину. Маленькая черная точка мчится по крутому снежному склону, лавируя между флажками, взлетая в воздух и снова устремляясь вниз по раскатанному снегу. И вот уже спортсмен проносится мимо секундометристов. Немногим больше минуты продолжается спуск с горы, но сколько сил, какой волевой выдержки требует он от человека!

«Слалом-гигант» — это соревнование высшего класса, но и оно не является вершиной горнолыжного спорта. Есть еще более сложное испытание мастерства — скоростной спуск. Высоко в горах начинается его дистанция. Три тысячи метров мимо валунов, деревьев, обрывов проносились участники первенства СССР. Путь отмечен контрольными воротами. Лыжники обязаны придерживаться трассы, размеченной флагами. Средняя скорость скоростного спуска — 80 километров в час. На отдельных участках она возрастает до 100 километров, а длина прыжков с естественных трамплинов, даже небольших, достигает 20 метров.

Скоростной спуск требует от спортсмена искусства «высшего пилотажа». Лыжник должен абсолютно правильно стоять на лыжах, безукоризненно совершать повороты. Падение здесь равносильно аварии.

Молодой горнолыжник Николай Громов на дистанции «гигантского слалома».

Для того, чтобы побеждать на дистанции скоростного спуска, надо уметь не только использовать скорость, но и «сбрасывать» ее, сохранять спокойствие и зоркость взгляда там, где глаза застилает туманная пелена. Но зато как почетна победа! Александр Филатов, ставший в 1953 году чемпионом не только по слалому, но и по скоростному спуску, вправе гордиться своим успехом.

Москвич Александр Филатов — один из самых способных наших слаломистов. Он вырос так же, как и Шамин, на склонах Ленинских гор и еще в детстве научился совершать стремительные спуски вниз, к берегу Москвы-реки. Теперь для Филатова нет непроходимых дистанций. Он побеждал в Хибинах, горах Кавказа и наконец добился нового успеха на склонах Заилийского Алатау.

В горнолыжном спорте есть еще одно интересное соревнование. Оно называется горным двоеборьем: в него входят скоростной спуск и слалом. Победитель определяется по сумме лучших результатов. Надо быть поистине разносторонним спортсменом, чтобы добиться успеха на двух дистанциях. Таким спортсменом является молодой лыжник из Кировска Борис Кузнецов. Он показал лучшие результаты на первенстве страны.

Маленький северный городок Кировск, расположенный на склонах Хибин, дал нашему спорту большую группу способных горнолыжников. Борис Кузнецов, Юрий Шарков, Николай Громов, Александр Скопа — члены сборной команды СССР, все они начинали свой путь в Хибинах.

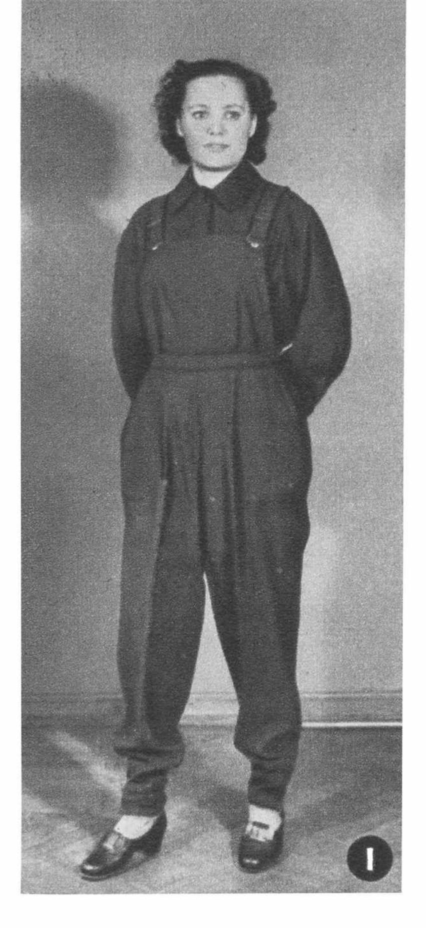
Горнолыжный спорт, требующий молниеносной реакции,— это спорт молодых. Не удивительно, что в сборную команду страны, состоящую из десяти лучших слаломистов, входят по преимуществу спортсмены в возрасте от 20 до 25 лет. Самый молодой из них — Геннадий Чертищев из Свердловска. Он выдвинулся только прошедшей зимой, заняв на первенстве СССР второе место в горнолыжном двоеборье.

Чем больше молодежи выйдет на горные склоны, тем выше будут наши успехи в этом спорте большого мужества и мастерства.

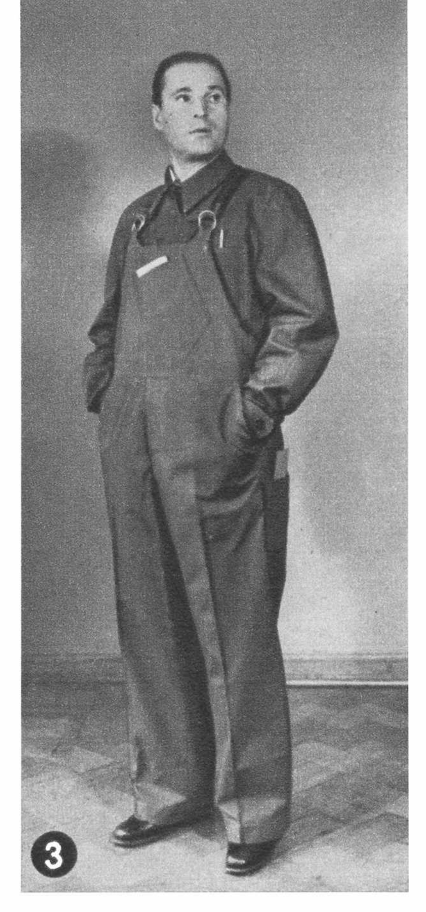
Фото Г. Малиновского и В. Гиппенрейтера.

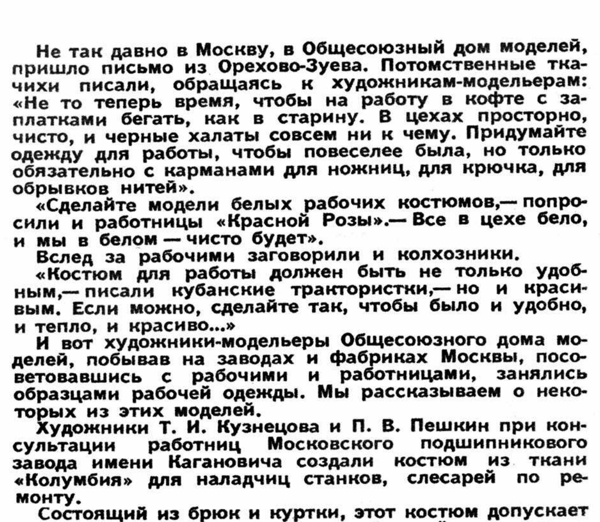
Чемпион СССР по скоростному спуску Александр Филатов.

Рабочий костюм

Не так давно в Москву, в Общесоюзный дом моделей, пришло письмо из Орехово-Зуева. Потомственные ткачихи писали, обращаясь к художникам-модельерам: «Не то теперь время, чтобы на работу в кофте с заплатками бегать, как в старину. В цехах просторно, чисто, и черные халаты совсем ни к чему. Придумайте одежду для работы, чтобы повеселее была, но только обязательно с карманами для ножниц, для крючка, для обрывков нитей».

«Сделайте модели белых рабочих костюмов,— попросили и работницы «Красной Розы».— Все в цехе бело, и мы в белом — чисто будет».

Вслед за рабочими заговорили и колхозники.

«Костюм для работы должен быть не только удобным,— писали кубанские трактористки,— но и красивым. Если можно, сделайте так, чтобы было и удобно, и тепло, и красиво...»

И вот художники-модельеры Общесоюзного дома моделей, побывав на заводах и фабриках Москвы, посоветовавшись с рабочими и работницами, занялись образцами рабочей одежды. Мы рассказываем о некоторых из этих моделей.

Художники Т. И. Кузнецова и П. В. Пешкин при консультации работниц Московского подшипникового завода имени Кагановича создали костюм из ткани «Колумбия» для наладчиц станков, слесарей по ремонту.

Состоящий из брюк и куртки, этот костюм допускает вариант (фото 1) — замену куртки блузкой, когда это допустимо по характеру работы. Специальный крой рукава обеспечивает полную свободу движений. Металлические пряжки и кнопки, заменяющие пуговицы, легко снимаются, что облегчает стирку. Боковые карманы брюк выполнены так, что они не цепляются за выступающие части станков.

Художница Л. К. Ефремова, консультируясь на том же заводе, разработала модель халата для работниц-станочниц машиностроительной промышленности. Передняя полочка халата, сшитого из хлопчатобумажной диагонали, с карманом для хранения карандаша и необходимых записей сделана из специального плотного материала, предохраняющего одежду от повреждений эмульсией, применяемой при обработке металла (фото 2).

Художник М. В. Ручкин разработал специальный костюм для монтеров, монтажников, механиков МТС. Изготовленные из водонепроницаемой ткани «плащ-палатка» куртка и брюки с нагрудником имеют карманы для молотка, клещей или линейки, чертежей и схем, карман для записной книжки и карандаша. Куртка костюма монтажника может служить рабочей одеждой для конструкторов, инженеров, техников, работающих в цехе (фото 3).

Разработкой модели костюма для текстильщиц занялась художница А. В. Добко. Фартук-халат, выполненный из яркой льняной рогожки, имеет удобно расположенные карманы: продольный, предназначенный для хранения крючка и шпули с нитками, и большой, боковой, рассчитанный на складывание обрывков нити (фото 4).

Отвечая на многочисленные запросы колхозников, художники М. В. Ручкин, А. И. Черемных, В. Д. Горовиц и А. А. Кострикова создали несколько интересных моделей. Вот модель зимнего костюма для трактористки, полевода, агронома (автор — художник Черемных): выполненные из водонепроницаемой ткани «плащ-палатка» куртка и брюки имеют пристегивающуюся ватную подкладку; небольшой воротник из цигейки и специальный капюшон предохраняют шею и голову в дождь и снегопад (фото 5).

Или другая модель — костюм колхозницы, работающей на птицеферме, в овощехранилище, на колхозном рынке (автор — художница Горовиц): короткая телогрейка и широкая юбка выполнены из хлопчатобумажного трико и оторочены яркой шерстяной тесьмой (фото слева внизу).

Художник Ручкин создал модель выполненного из хлопчатобумажного коверкота комбинезона для сельскохозяйственных рабочих, садоводов и огородников (фото 6).

Осенью 1953 года модели рабочей одежды, созданные художниками Общесоюзного дома моделей, и несколько аналогичных разработок художников Киевского, Минского, Ленинградского домов моделей были экспонированы на международном конкурсе одежды в Праге. Эти модели в числе других изделий, представленных СССР, получили первую премию за качество и дешевизну.

Б. КРАВЧЕНКО

Фото Я. Рюмкина.

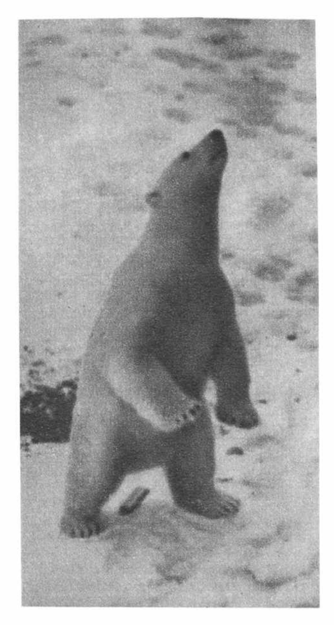
Из почты «Огонька»

Встреча во льдах

В конце августа наш ледокол лежал в дрейфе недалеко от Северной земли. Вокруг — разреженный лед, разводья покрыты тонкой корочкой молодого льда.

Утром мы увидели метрах в трехстах от корабля белого медведя, направляющегося в нашу сторону. Он шел по льдинам, переплывал разводья и вновь вылезал на лед. На баке собрались любопытные, с интересом следившие за приближением зверя. Медведь подошел вплотную к борту и попытался взобраться на палубу. Потерпев неудачу, он стал прохаживаться возле борта, посматривая вверх с любопытством. Кто-то бросил медведю немного хлеба и мяса. Зверь спокойно подобрал и съел мясо, но от хлеба отказался. С не меньшим удовольствием он ел конфеты, которые бросали ему моряки.

Вскоре на палубе собралась почти вся команда, каждый старался угостить зверя. Механик спустил на

веревочке бутылку с разведенным спиртом. Медведь взял ее в зубы и, сев на лед, выпил часть содержимого. Затем, видимо, почувствовав, что напиток для него не подходит, бросил бутылку и, подойдя к краю льдины, опустил морду в воду. После этого наш гость вернулся к борту судна. Мишку угостили бутылкой кофе с молоком, соленой треской и хлебом с маслом и сахаром. Насытившись, он лег на спину и стал кататься по снегу, смешно поднимая ноги кверху. Наигравшись, медведь уснул, устроившись за небольшим торосом. По всем признакам, зверь впервые встречался с кораблем.

Часа через два медведь проснулся и вновь подошел к борту. На этот раз его заставили «послужить» и походить на задних лапах, подвесив для этого на веревке кусок мяса. Однако мишка вскоре ухитрился сорвать мясо и съесть.

...Пришло время кораблю продолжать свой путь. Капитан приказал дать гудок. Звук сирены чрезвычайно испугал нашего гостя. Он застонал, сел на лед, как будто у него отнялись ноги, затем вскочил и, бросившись в воду, поплыл к дальним льдинам. Вскоре мы потеряли его из виду.

Г. КОНОНОВИЧ,
старший помощник капитана ледокола «Ермак».

Порт Диксон.

В гостях, как дома

Американская эскадра посетила ряд европейских стран, нанеся им «визиты вежливости». По сообщениям печати, гости ознаменовали свое пребывание в этих странах пьяными дебошами, драками и различными бесчинствами.

— Ну, слава богу, кажется, визит вежливости заканчивается...

Рисунок Е. Ведерникова.

Грачи не виноваты...

Эта история произошла несколько лет назад в одном совхозе Владимирской области. В субботу вечером здесь закончили посадку капусты, а в понедельник утром обнаружили, что всю рассаду кто-то начисто повыдергал.

Для расследования обстоятельств вредительского уничтожения капусты была создана комиссия. Но раскрыть загадку удалось лишь случайно: кто-то увидел, как остатки капустной рассады выдергивали из земли... грачи. Агроном совхоза убедился в этом лично, и поиски «преступников» прекратили. Но зачем грачам понадобилось вырывать капусту, которую они не едят?

Тайну раскрыли много позже. В нынешнем году в одном из подмосковных совхозов нападению грачей подверглись посевы сахарной свеклы; свеклу птицы выдергивали из земли и тут же бросали.

Поведение птиц было совершенно необъяснимо.

Долго искал главный агроном причину странного поведения грачей, пока не пришел к выводу, что в гибели свеклы до известной степени повинен... он сам. Оказалось, что в почве поля, на котором была посеяна свекла, водился червь-проволочник, один из вредителей овощных культур. Проволочники набросились на нежные и сладкие корни молодой свеклы. Грачи же, обследуя в поисках пищи поля, обнаружили на свекловице червей. Самым простым и легким для грача способом их добычи стало выдергивание свеклы вместе с присосавшимися к корешкам червями. Птицы уничтожали только вредителей сельскохозяйственных культур, а если при этом страдала свекла или, как это было во Владимирской области, капуста, то они в этом повинны были только отчасти.

Агроному следовало тщательно проверить состояние поля перед посевом.

П. РОГОЗИНСКИЙ

Торунские пряники

Торунь — древний польский город на берегу Вислы в ее нижнем течении. Здесь до наших дней стараниями польского народа сохранен дом, в котором 480 лет тому назад родился великий астроном Николай Коперник.

Здесь находится и фабрика знаменитых торунских пряников, которыми, как говорит предание, часто баловала маленького Коперника его бабушка. Своими сказками она пробудила в мальчике смелый полет фантазии.

Да и сами пряники — словно иллюстрации к увлекательной сказке. В руки мальчика попадали то чудесная карета, то барабанщик, принц заморский, быстроногая лань, то просто узоры переплетающихся цветов и листьев.

Торунцы из поколения в поколение хранят старинные, времен средневековья, деревянные формы для приготовления пряников.

Сохранены и рецепты выпечки пряников, испокон веков славящихся не только в Польше, но и за ее пределами. Тесто делается на меду и сахаре и длительное время, иногда месяцами, выдерживается в специальных ферментационных ларях. Старый мастер рассказал нам, что «в давние времена тесто для пряников ставили, когда в семье подрастала и уже невестилась дочь, а пряники из него делали тогда, когда дочь выходила замуж».

В нынешнем году польский народ отмечал год Коперника — год, в котором сошлись две знаменательные даты: 480 лет со дня рождения великого астронома и 410 лет со дня его смерти. В связи с этим рабочие торунской фабрики «Коперник» часть своих знаменитых пряников приготовили в старинных формах. Многие иностранные ученые, туристы, члены различных делегаций, которым довелось быть в этом году в Польше на коперниковских торжествах, повезли домой эти пряники.

Мих. ЯРОВОЙ

ХИТРЫЙ РЫБОЛОВ

Изошутка Ю. Черепанова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Основной закон. 7. Собрание представителей организаций, групп населения. 8. Залив Охотского моря. 9. Население страны. 13. Гора на Кавказе. 14. Самоходный двигатель для тяги. 15. Духовой музыкальный инструмент. 16. Упругая нить. 17. Название детского журнала. 20. Преобразование, изменение. 22. Название месяца. 27. Тонкая черта. 28. Горная выработка. 29. Сорт яблок. 30. Город в Горьковской области, один из старейших центров железоделательной промышленности. 33. Род стихотворения. 34. Член сельскохозяйственного объединения. 35. Смелость. 37. Советская союзная республика. 38. Плодовое дерево.

По вертикали:

1. Объединение. 2. Совокупность литературных произведений. 3. Торжественная песня. 5. Движущаяся лестница. 6. Клубневое растение. 9. Твердая корка на снегу после оттепели. 10. Календарное время события. 11. Архитектурное украшение. 12. Труд Карла Маркса. 18. Общественная проверка. 19. Произведение для пения. 21. Сплоченность. 23. Музыкальное произведение на темы народных песен, сказаний. 24. Состояние покоя. 25. Сырье для изготовления пряжи. 26. Правительственная награда. 31. Предмет торговли. 32. Хвойное дерево. 36. Партия для одного голоса. 37. Река в Сибири.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали:

1. Станислав. 4. Облигация. 7. Ордер. 9. Колос. 11. Варан. 13. Торф. 14. Архангельск. 15. Ямал. 18. Семафор. 20. Селигер. 21. Надир. 23. Напильник. 24. Олень. 26. Амфитеатр. 27. Газобетон. 29. Осина. 30. Четыреста. 32. Неман. 34. Глиссер. 35. Сирокко. 37. Нона. 38. Автодрезина. 41. Рица. 44. Аллея. 45. Метан. 46. Рондо. 47. Рокировка. 48. Дирижабль.

По вертикали:

1. Спортсмен. 2. Июль. 3. Вобла. 4. Ореол. 5. Герб. 6. Ярославль. 8. Диагональ. 9. Керес. 10. Сарафан. 11. Василек. 12. Номер. 16. Амортизация. 17. Агротехника. 19. «Репетитор». 20. Синтаксис. 22. Аванс. 25. Нанка. 28. Травертин. 29. Ординатор. 30. Чусовая. 31. Агроном. 33. Нонпарель. 34. Гонка. 36. Орион. 39. Опера. 40. Завод. 42. Хлор. 43. Стаж.

ИЗ ПРОШЛОГО

Некий американец посетил английского писателя Оскара Уайльда, который, как известно, не питал особых симпатий к янки. Гость, бывший страстным любителем всяких пари, сделал писателю во время беседы такое предложение:

— Тот из нас, кто сумеет сильнее солгать и тем самым обнаружит превосходство своей фантазии, выигрывает фунт стерлингов...

Уайльд согласился:

— Что ж, начинайте вы...

Гость начал:

— Был один американский джентльмен...

— Можете не продолжать,— любезно остановил его Уайльд,— вы уже выиграли...

«Нойе берлинер иллюстрирте»

В этом номере на вкладках: репродукции картин Я. П. Турлыгина «Бедность», В. Е. Маковского «Наем прислуги», И. С. Остроухова «Купавы на пруду», Р. Г. Судковского «Море» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

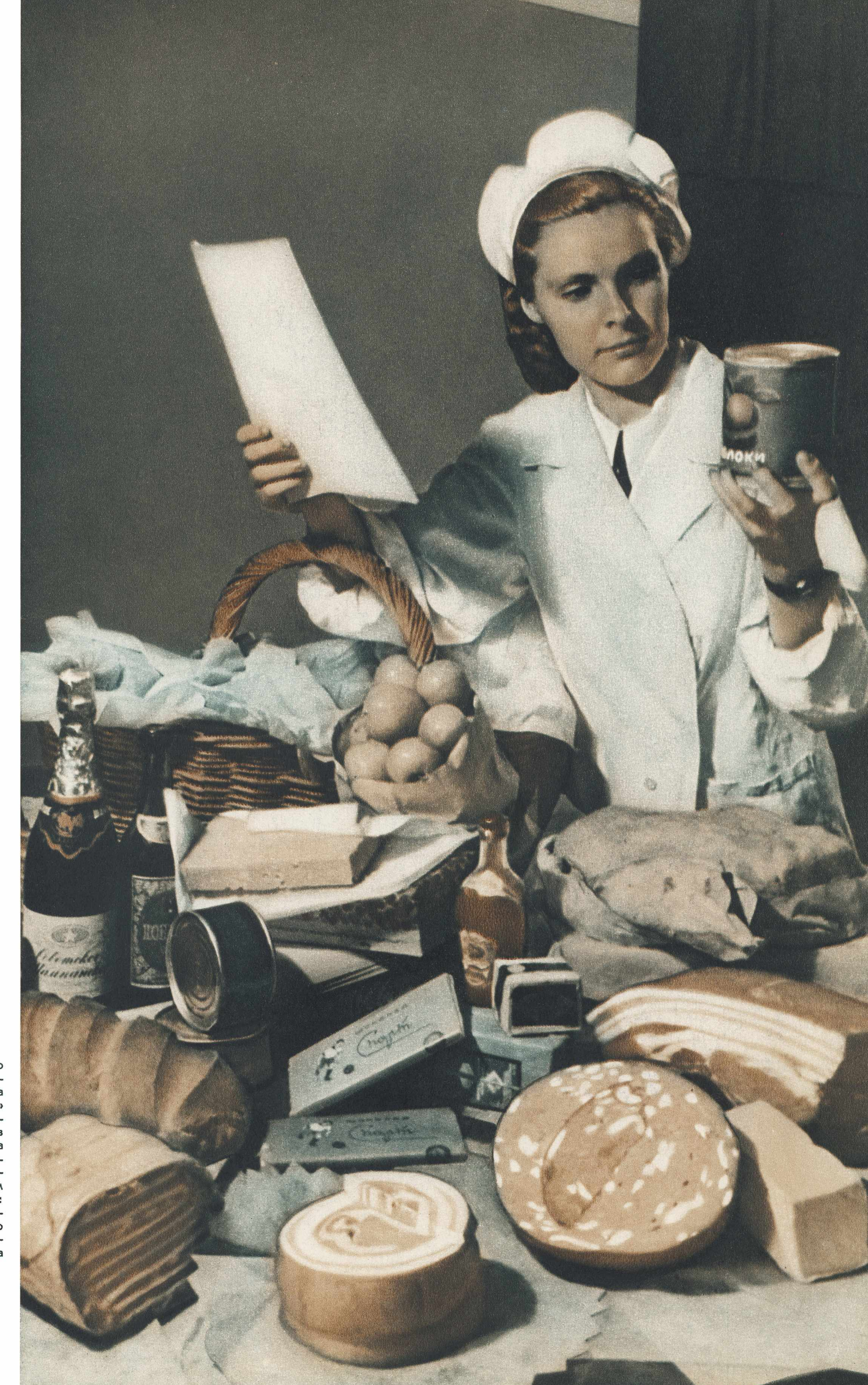
Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 03795. Подп. к печ. 1/XII 1953 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 891. Заказ № 2742. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Жители города Сталино (Донбасс) широко пользуются услугами стола заказов «Гастронома» № 1. Нередко из самых отдаленных районов страны приходят письма с просьбой доставить подарочный набор в определенный день родным и близким. На снимке: продавщица комсомолка Александра Борзенко подготавливает продукты по нарядам стола заказов.

Фото Н. Максимова.

Цена номера 3 руб.